

МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт гуманитарных исследований

ГУМАНИТАРНЫЕ КОНСТАНТЫ

Материалы конференции
Института гуманитарных исследований
Московского гуманитарного университета
16 февраля 2008 года

Сборник научных трудов

Москва
Издательство Московского гуманитарного университета
2008

Исследования выполнены в соответствии с научным проектом по плану НИР МосГУ «Гуманитарное знание в XXI веке: интеграция науки и высшего образования» (этап 2007 года).

Гуманитарные константы : материалы конференции Института гуманитарных исследований МосГУ 16 февраля 2008 года [Текст] : сб. науч. трудов / отв. ред. Вал. А. Луков ; Моск. гуманит. ун-т, Ин-т гуманитар. исследований. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. — 101 с.

Сборник статей посвящен исследованию проблемы гуманитарных констант в культурных тезаурусах.

Для исследователей гуманитарных дисциплин, студентов, аспирантов и преподавателей.

*Ответственный редактор:
доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
Вал. А. Луков*

© Авторы статей, 2008.

© Московский гуманитарный университет, 2008.

ТЕЗАУРУСЫ: СУБЪЕКТНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ (РЕЗЮМЕ МОНОГРАФИИ)

Монография «Тезаурус: Субъектная организация гуманитарного знания», которая выходит в издательстве Национального института бизнеса в 2008 г., представляет собой наиболее полное и обобщенное изложение тезаурусной концепции гуманитарного знания, лежащей в основе субъектно ориентированных направлений исследований в области социальной философии, культурологии, социологии, антропологии, филологии, а также таких прикладных областей деятельности, как социальное и социокультурное проектирование, дизайн, гуманитарная экспертиза. Представляем содержание этой монографии по разделам.

Во Введении отмечено, что гуманитарные науки все более субъективизируются и отдаляются от идеала науки как объективного знания. Субъективизация современной науки — не просто дань времени, но и естественное следствие развития культуры. Разумеется, это не означает утери требований научности, пути к субъективизму. Речь идет о постановке человека в центр научных исследований даже там, где еще недавно приоритет имели макросистемы и макротенденции. Культура не может быть осознана и вовлечена в человеческую деятельность в полном объеме, идет ли речь об индивидууме или об обществе. Осознание этого находит отражение в теориях, возникших в XX веке в рамках развития целого ряда гуманитарных наук — философии (в ее научной ипостаси), социологии, филологии, антропологии, истории, психологии, культурологии и др. В тезаурусном подходе авторы видят полифункциональный, методологически эвристичный для гуманитарных наук способ исследования в новых условиях развития гуманитарного знания в начале XXI века. Субъектность такого знания представлена в представлении о культурном *тезаурусе*, в наиболее общем виде культурологический смысл которого связывается со *структурированным представлением и общим образом той части мировой культуры, которую может освоить и творчески преобразовать субъект*.

В главе 1 («Сущность тезауруса») характеризуется исходное значение слова «тезаурус» (от греч. сокровище, сокровищница), лингвистическая трактовка этого термина, его трактовка в информатике, в науках о культуре и обществе. Особое внимание уделено концепции «чу-

жака» в социологии Г. Зиммеля, А. Шюца, Р. Парка, идее социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, идее габитуса П. Бурдьё, идее фреймов И. Гофмана, идее структуризации и социальных практик Э. Гидденса, идее человекника А. А. Зиновьева, идее взаимодействия компонентов функциональных систем П. К. Анохина. Каждая из представленных концепций в той или иной мере близка тезаурусному подходу. Все они в той или иной мере близки между собой. Их отличает преимущественно теоретико-методологическая рамка, своего рода «порт приписки» в науке. В действительности, в силу своей концептуальности, они находятся на границе науки и философии, науки и этики, науки и художественного освоения действительности (художественной литературы прежде всего), что и позволяет применять их при осмыслении свойств, форм и результатов не только научного знания, но других знаниевых систем, которые в совокупности и составляют гуманитарное знание. В современном пост-постмодернистском гуманитарном знании, в которое возвращается его конструктивность и системность, все же границы между науками потеряли значение отстаиваемых рубежей и идиосинкразия в методологии большей частью преодолена, разворачивается параллельный поиск основных смыслов и способов реализации социальности и культурной соотнесенности человека. Многообразие близко стоящих теорий здесь совершенно не помеха: они дополняют друг друга и в своей совокупности порождают дальнейшее развитие теорий человека, культуры, общества. В этом ключе мы рассматриваем и близость тезаурусной концепции к изложенным теориям.

Далее делается попытка определить понятие «тезаурус». Тезаурус имеет черты функциональной системы и обеспечивает в кооперации (взаимосодействии) с другими подсистемами жизнеспособность социального субъекта (от личности до человечества в целом), отражая иерархию его представлений о мире. Тезаурус — форма существования гуманитарного знания, он *в слове и образе воспроизводит часть действительности, освоенную социальным субъектом (индивидом, группой). В наиболее общем виде тезаурус может быть определен как полный систематизированный свод освоенных социальным субъектом знаний, существенных для него как средство ориентации в окружающей среде, а сверх этого также знаний, которые непосредственно не связаны с ориентационной функцией, но расширяют понимание субъектом себя и мира, дают импульсы для радостной, интересной, многообразной жизни. Тезаурусы, таким образом, представляют собой субъектно организованное гуманитарное знание.*

Далее рассматривается гендерный аспект тезауруса, показано, что существуют отчетливые гендерные различия между «мужским» и «женским» тезаурусами. Показаны и тезаурусные различия, связанные с проблемой возраста. Дана тезаурусная трактовка идентификации и социализации, введено понятие тезаурусной генерализации. Отмечено, что актуализация подходящей тезаурусной генерализации происходит ситуативно — на основе *тезаурусного репертуара*. При этом тезаурусы и сами по себе еще не устоялись и подвержены динамичным изменениям. На тезаурусы периода молодости не могут не влиять определенные психологические черты, свойственные молодым людям и отличающие их от представителей старших возрастных групп. Это, в частности, относится к характеристикам восприятия, внимания, памяти. Символический и предметный мир молодежи также отражает множественность и специфику наложения разных тезаурусных генерализаций. Собственно, те же черты свойственны тезаурусам на более зрелых возрастных стадиях человека, кроме самой возможности в норме сочетать несколько тезаурусных генерализаций. Тезаурус наконец как бы окостеневает, приобретает высокую степень устойчивости. Конечно, и в зрелом возрасте в силу определенных жизненных обстоятельств человек может подвергнуть свой тезаурус коренной ломке. Но это всегда процесс сложный, болезненный и в чем-то малоперспективный.

Поскольку тезаурус представляет собой накопленное знание, он по необходимости не может сохраняться в своих объемных характеристиках, он все время, ежедневно и ежечасно пополняется новыми наблюдениями, сведениями, оценками. Тем не менее само обновление знаниевого материала, а в конечном счете и характера его освоения и переконструирования субъектом не является непредсказуемым. Предсказуемость тезауруса формируют не только пол, возраст, но и стиль жизни, совокупность социальных статусов и ролей, которая характеризует субъекта, будь то индивид или социальная общность. Выясняется, что тезаурус — вовсе не только адаптационный инструмент в поведении индивида. Ориентация в окружающей среде — *активная поведенческая стратегия*, позволяющая переструктурировать эту среду или даже сменить ее на другую, более соответствующую ожиданиям субъекта, его жизненным идеалам и целям, сформированной им картине мира — *системе культурных констант тезауруса, выработанной в ходе социализации личности*. Картина мира и есть ядро тезауруса — его наиболее устойчивая часть, определяющая отнесение информации к зонам «свое», «чужое», «чуждое».

Тезаурусная интерпретация действительности в форме картины мира представляется неким обобщением, более или менее осознанным и составляющим принципиальный ориентир в жизненных ситуациях, которые в такой обобщенной форме не обладают индивидуальными чертами. Тем не менее это не значит, что тезаурус не обладает свойством проявляться в конкретных микро- и макросоциальных ситуациях. В этом плане заслуживает внимания тезаурусная интерпретация *события*. В нашей трактовке событие представляет собой *любую социальную связь в ее конкретной форме*, то есть возникшую в силу стечения определенных обстоятельств в определенное время и в определенном месте. В этом значении событие утрачивает атрибут экстраординарности, оно не обязательно — поворотный момент в судьбе. Повседневность может быть заполнена событиями, ее даже можно представить как череду событий, но именно тогда, когда мы перестаем видеть в событии момент напряжения высших качеств человека, общества, пик борьбы добра и зла. В этой связи в работе изложена концепция ко-биографии (сплав биографий, образующаяся на период некоторого события единая биография ближайшего социального круга как нераздельной целостности). При разработке концепции ко-биографии мы показали, что на относительно нейтральном фоне возможно успешное изучение и целой группы взаимосвязанных жизненных путей, например, в рамках биографии семей, но здесь на переднем плане оказывается процесс передачи социальных эстафет и способ обобщения строится на генерализации семьи: это именно биография семьи, а не членов одной семьи. Повседневность, реализуемая в непроблематичном социальном поведении, скрывает более глубокие связи жизненных путей близких людей, которые могут быть раскрыты в ко-биографии.

От события мы отличаем *ситуацию*, которую трактуем как *модель события*, его конструкцию. Здесь возникает возможность разделить повторяемое и уникальное в событии: повторяется не событие, а ситуация. Событие возникает и существует как *целостность*. Это своего рода перекресток множества факторов и условий, образующих на некоторое время и в некоторой локальной ограниченности относительно устойчивый комплекс, обладающий некоторыми атрибутивными качествами, что позволяет отделить данное событие от других и присвоить ему имя. Здесь и возникает возможность понимания события в свете тезаурусной концепции. И событие, и тезаурус выступают как целостности, что в исследовательском плане ставит их в одну плоскость и требует принципиального сходства в способах изучения и в осмыслении. В онтологическом плане *тезаурус отвечает на вызовы и риски жизни как постоян-*

ной смене событий. С точки зрения тезаурусного подхода, мы рассматриваем событие как *актуализацию смыслов* (или, что то же самое, — *взаимодействие смыслов*). Смыслы, координация которых поддерживается тезаурусом, актуализируются, являют себя в определенном действии, резонируя или сталкиваясь с другими (координированными иными тезаурусами) смыслами, что и создает событие. Далее оно — уже как связка смыслов, уже как известная целостность — оказывается включенным в тезаурус и занимает в нем ту или иную позицию. Структурирование тезауруса как общности (или иначе — единства) рассеянных событий позволяет отойти от принятой логики понятийной иерархии, которая навязывает исследуемому объекту однозначность и непротиворечивость там, где как раз есть не только неоднозначность, не только противоречивость, но и бесконечная смена становящихся и разрушающихся смыслов. Противоречивость и многосмысленность не устраняются искусственно. Кроме того, структурирование через событийность более естественно для трактовки социальной реальности в целом, а тем более ее проявлений там, где интериоризируемые социальные структуры еще не отвердели.

В работе характеризуются элементы тезауруса, существенные для его структуры: концепты (выражаемые в знаках сращения смысла и чувственного восприятия, внутреннего образа), стереотипы (штампы, клише, инструмент минимизации познавательных усилий), культурные константы (наиболее устойчивые концепты), вечные образы (инвариантный арсенал художественного дискурса). В тезаурусе отношения между элементами строятся не на логической связи, а на связи ценностной. Роль ценностных факторов в социальной и культурной жизни во многом определяющая. И главное — ценности обладают принудительным действием, которое вытекает из их нормативного содержания. Иначе говоря, при помощи ценностей поведение людей вводится в рамки определенных социальных устоев, подчиняется общим правилам коллективной жизни, культурным образцам. Исследование ценностей как таковых вряд ли оправдано, если мы не учитываем характера ценностных ориентаций. Под ценностными ориентациями мы понимаем направленность субъекта (личности, группы, сообщества) на цели, осознаваемые им позитивно значимыми (благими, правильными, высокими и т. п.) в соответствии с принятыми в обществе (сообществе) образцами и имеющимся жизненным опытом и индивидуальными предпочтениями. Такая направленность представляет собой совокупность устойчивых мотивов, лежащих в основе ориентации субъекта в социальной среде и его оценок ситуаций. Она может осознаваться в разной степени, выра-

жаться в фактах поведения, веры, знания и иметь форму стереотипа, суждения, проекта (программы), идеала, мировоззрения. При этом из направленности на признаваемые позитивными жизненные цели не следует автоматически активных действий субъекта по их достижению в реальной действительности.

Специфика ценностного отношения состоит в том, что концепт (ядро ценности) подобно магниту *притягивает* одни смыслы и *отталкивает* другие, образуя смысловое гнездо. Тезаурусная концепция утверждает, что, во-первых, структурирующим принципом выступает дихотомическое различие *своего* и *чужого*; во-вторых, и *свое*, и *чужое* обладают протяженностью и разной интенсивностью: это своего рода зоны, концентрические круги вокруг субъекта, одни из которых ближе, другие дальше от центра и в этом отношении — *более-свои* и *менее-свои* (соответственно *менее-чужие* и *более-чужие*); в-третьих, в тезаурус встроен защитный механизм от информации, основанной на антиценностях (для субъекта): она воспринимается субъектом как *чуждая* и если и пересекает границу тезауруса, то только в форме ее критики. Таким образом, внутри тезауруса действует дифференцирующий принцип *свое-чужое*, если же рассматривать тезаурус в его взаимодействии с другими тезаурусами, то дифференцирующей становится триада *свое-чужое-чуждое*. Так что, можно сказать, *чужое* все-таки до некоторой степени *свое*, то есть может стать *своим* при определенных условиях, в отличие от *чуждого*, которому в данном тезаурусе (тезаурусной генерализации) места нет. Тезаурус, возникнув в своем носителе, обретает свойства интеллектуального, культурного, социального организма и, применяя разные стратегии и техники, защитные механизмы, блокирует, или переструктурирует, или исключает нежелательную для его целостности информацию.

В качестве таких механизмов для поддержания *своего* в работе рассмотрены: идентификации (совокупность процессов обретения личностью характеризующих ее идентичностей), ингрупповой фаворитизм (совокупность сходных социальных и культурных процессов, обеспечивающих групповую сплоченность), управление впечатлениями (идея И. Гофмана: человек стремится, решая любые свои задачи, создать о себе благоприятное впечатление у окружающих, в итоге жизнь превращается в актерскую игру). Рассмотрены механизмы отдаления *чужого* (амбивалентность, индифферентность), а также исключения *чуждого* (дискредитация). Подробно рассмотрены специальные элементы структуры тезауруса, осуществляющие защиту его содержания от рисков новой информации — мембраны (выделены типы мембран, сопоставленные

с образами шекспировских трагедий: Гамлета, Отелло, Лира, Макбета, Дездемоны, Корделии, леди Макбет). Все типы тезаурусной мембраны присутствуют в каждом индивидуальном тезаурусе, но не в одинаковой мере, что позволяет поставить вопрос об акцентуации тезаурусов. Мембраны напоминают представление о цензуре в структуре психического аппарата в Фрейда. Принципиальное отличие тезауруса от фрейдовского психического аппарата заключается не только в том, что тезаурус в известной мере совпадает со сферой сознания, а, как утверждал Фрейд, в основе психического аппарата, лежит сфера бессознательного. Тезаурус — характеристика субъекта, а под субъектом тезаурусный подход понимает и индивидуума, и группу любого масштаба. Фрейдовское представление о цензуре, переработанное в свете тезаурусного подхода в концепцию мембран, применимо и к коллективным тезаурусам.

В работе разработано представление о тезаурусных конструкциях. Наша гипотеза состоит в том, что (1) индивидуальные тезаурусы строятся в рамках социализационного процесса из наличествующих тезаурусных конструкций или их элементов; (2) в обществе сосуществуют несколько тезаурусных конструкций с разной степенью актуальности (то есть степенью распространенности, нормативности, формализации); соответственно, и на индивидуальном уровне возможно сосуществование нескольких тезаурусных генерализаций и выстраивание тезауруса с подвижной иерархией элементов; (3) актуальность, актуализация и потеря актуальности тех или иных тезаурусных конструкций детерминированы объективными социальными и культурными процессами и субъективным определением ситуации (на различных уровнях социальной организации); (4) социализационные практики обеспечивают передачу и актуальных, и неактуальных тезаурусных конструкций, из которых строятся тезаурусы. Возникающая в ходе социализационного процесса комбинация элементов (сведений, моделей поведения, установок, ценностей и т. д.) выстраивается из фрагментов тезаурусов *значимых других*. Эти фрагменты сами несут в себе следы более ранних тезаурусных образований, также воспринятых от значимых других иного поколения. Общая часть тезаурусных фрагментов, из которых, собственно и формируются индивидуальные тезаурусы, мы называем тезаурусными конструкциями, которые можно сравнить с корнями слов, принимающими точное значение в сочетании с другими строительными блоками (с префиксами, аффиксами и т. д.).

Иерархический строй тезауруса (его «топика») с учетом содержания повседневности выстраивается в семиступенчатую «пирамиду тезауруса», где с каждой ступенью, начиная снизу и двигаясь вверх, свя-

зывается определенный круг наиболее фундаментальных проблем, которые решает человек в течение жизни: 1 ступень: проблемы выживания; 2 ступень: проблемы распространения, рождения детей, семьи, секса; 3 ступень: проблемы власти, иерархической организации общества; 4 ступень: проблемы коммуникации на уровне чувств (любовь, дружба, ненависть, зависть и т. д.); 5 ступень: проблемы коммуникации на уровне диалога, высказывания, письма и т. д.; 6 ступень: проблемы теоретического осмысления действительности; 7 ступень: проблемы веры, интуиции, идеала, сверхсознания.

Под динамикой тезауруса мы понимаем процесс передвижения информации в тезаурусе с момента его первоначального освоения. В действительности это процесс, зависящий от множества разнонаправленных сил и факторов воздействия. Однако в аналитических целях может быть предложен путь, учитывающий иерархический строй тезауруса. С учетом этого будем полагать, что мир входит в сознание человека в определенной последовательности, которую определяет уже сложившаяся структура тезауруса (его «топика»). Центральное место занимает образ самого себя (самоосознание) и другого человека: его внешний вид (телесные признаки — глаза, лицо, строение тела, а также прическа, костюм), поведение, поступки, затем мысли и чувства, образ жизни. От одного человека тезаурус переходит к двум (здесь важными оказываются такие аспекты человеческого существования, как дружба, любовь, спор, вражда, зависть, диалог, общение, отношение «учитель — ученик»). Затем к трем (семья: отец — мать — ребенок) и более (микрогруппа). Осознается ближайшая среда (окружающие вещи, мебель, дом, обозримое природное пространство). Следующие круги тезауруса — свой город или деревня, страна, общество (нация, класс, человечество), общественные отношения и чувства (долг, совесть, свобода, равенство, братство, избранность, отчужденность, одиночество), обучение и воспитание, «свое» и «чужое» (иностранное), история, политика, экономика, техника, наука, мораль, эстетика, религия, философия, человек как микрокосм, макрокосм — вселенная, общие законы мироздания. Со всеми кругами связано художественное восприятие действительности, наиболее проявленное в искусстве. Последовательность элементов, представленную в списке, не следует отождествлять с реальным процессом освоения информации индивидом, ее назначение — не столько в моделировании динамики построения картины мира, сколько в структурировании повседневности при представлении ее в различных контекстах, например, при анализе художественного отражения жизни людей в различные эпохи. К топике и динамике тезауруса имеет отношение и его

энергетика: представление о «силе» и «слабости» определенных видов информации. Иерархический принцип, выявляемый в этих слагаемых структуры тезауруса, имеет и альтернативу — сетевой принцип, подробно охарактеризованный в работе. Не обязательно во времена тотальной иерархии в социальной жизни будет действовать преимущественно иерархический строй тезаурусов и, напротив, во времена утверждения сетевого общества и в тезаурусах приоритет перейдет к сетям. Нередко происходит как раз наоборот, и во времена «разгула сетей» значительная часть людей закрепляют в своих тезаурусах четкую ценностную иерархию, прежде всего религиозную (исламский фундаментализм, православное праведничество и т. п.). Здесь нет какого-то одного правила, что совершенно естественно в периоды аномии в обществе и культуре. В конечном счете иерархический строй тезауруса будет в любых социальных и культурных условиях определять удержание и реструктурирование ядра тезауруса — картины мира, а сетевой строй будет обслуживать многообразие интересов субъекта, не препятствуя их ценностной ревизии. На сочетании этих двух принципов строительства тезаурусов и возникают тезаурусные генерализации. В актуальной ситуации работает не весь тезаурус, а тезаурусная генерализация — композиция из концептов, тезаурусных конструкций, эталонных событий и т. п., дающая необходимые импульсы для ориентации в повседневной жизни.

В главе 2 дается характеристика мировой культуры в свете тезаурусного подхода. Такой анализ связывается с концепцией разделения культурологии на объектную и субъектную.

Если объектная культурология имеет в качестве научного объекта мировую культуру как таковую, то субъектная культурология — культурные тезаурусы, то есть ту часть мировой культуры, которая, во-первых, стала по каким-то причинам известна субъекту (отдельному человеку или социальной общности), во-вторых, освоена и творчески переработана им в процессе социального конструирования реальности и, в-третьих, может быть актуализирована им в необходимый момент. Культура не может быть осознана и вовлечена в человеческую деятельность в полном объеме, идет ли речь об индивидууме или об обществе. В этом смысле можно говорить о тезаурусе как той части мировой культуры, которую может освоить субъект. Субъектная культурология призвана изучать закономерности и историю развития, взаимодействия, сосуществования, противоборства, смены культурных тезаурусов.

В работе рассмотрены фундаментальные признаки искусства (и как частный случай — литературы), жанры, жанровые системы, жанровые генерализации как тезаурусные структуры понимания нового со-

держания. Мировая культура в свете тезаурусного анализа приобретает очертания, которые не могут претендовать на однозначное прочтение. Здесь возникает феномен прямой связи субъекта и того, как в его тезаурусе предстает мировая культура. Это утверждение действует в повседневных социальных и культурных практиках, в коммуникации на микроуровне, когда обнаруживаются культурные пропасти между старшими и младшими поколениями, носителями разных культурных кодов — в итоге одни считают других «некультурными», «невежественными», но эти оценки взаимны и с обеих сторон имеют убедительную аргументацию. Культурная идиосинкразия, доходящая до ненависти к противной стороне, хорошо известна в быту, она же наполняет взаимоотношения культурных сообществ с примерно одним образовательным уровнем. Однако и на макроуровне общества ситуация не является иной в том смысле, что переход на более высокий уровень социальной организации, связанный с регулирующей ролью институтов, в структурировании знания о мировой культуре остается столь же субъективным именно в силу того, что и порождение, и восприятие, и сохранение, и приращение культурных форм субъектно и вне субъекта (какого бы масштаба он ни был) не имеют никакого смысла.

В главе 3 в свете изложенного рассмотрены тезаурусы европейской культуры Нового времени — от XVII до XIX века. В главе рассмотрены следующие периоды: культура рубежа XVI–XVII веков (переходный период); культура XVII века (стабильный период); культура рубежа XVII–XVIII веков (переходный период); культура XVIII века (стабильный период); культура рубежа XVIII–XIX веков (переходный период); культура XIX века (стабильный период); культура рубежа XIX–XX веков (переходный период). Эта периодизация, составляющая достижение объектной культурологии, получает наполнение при применении субъектной культурологии, позволяющей понять, в чем, собственно, заключается отличие культурных эпох по их содержанию, соотношению с повседневной жизнью людей и их включенностью в культурные практики своего времени. На основе применения тезаурусного анализа создается образ развития культуры как волнообразной смены стабильных и переходных периодов.

Для периодов стабилизации характерна устремленность к системе и систематизации, поляризация культурных тенденций, известная замкнутость границ в сформировавшихся системах, выдвижение какой-либо культурной тенденции на центральные позиции, что нередко отмечено в названии периода (например, эпоха Просвещения).

Для переходных периодов свойственны необычайная пестрота культурных явлений, многообразие направлений развития без видимого предпочтения какого-либо одного из них, известная открытость границ систем, экспериментирование, приводящее к рождению новых культурных явлений, возникновение пред- и постсистем (предромантизм, неоклассицизм и т. д.), отличающихся от систем высокой степенью неопределенности и фрагментарности, быстрые изменения «географии культуры». Переходность — главное отличительное качество таких периодов, причем лишь последующее развитие культуры позволяет ответить на вопрос, «от чего к чему» произошел переход, внутри же периода он ощущается как некая неясность, повышенная изменчивость, заметная аморфность большого числа явлений.

Каждый тип культуры (стабильный или переходный) порождается социальной деятельностью людей, их взаимодействием на всех уровнях социальности и в свою очередь порождает свой тип человека и его мировосприятия, а также утверждает свой специфический образ человека в сознании людей, выступающий как нормативный образец.

Стабильные и переходные периоды чередуются. В последние столетия — и это видно из приведенной выше периодизации культурных эпох — переходные периоды в европейской культуре в основном совпадают с рубежами веков.

В главе показано, как от периода к периоду меняется европейский культурный тезаурус, что отражается во внешнем облике и сфере чувств человека, в мире вещей, его окружающих, в цивилизационных процессах, в достижениях науки, в искусстве, в культурной картине мира.

В главе 4 авторы переходят от общеевропейского культурного тезауруса к анализу персонального тезауруса, связывая это с литературоведческой проблемой создания теории персональных моделей в истории литературы. В качестве объекта исследования выбрана фигура английского писателя Оскара Уайльда, в которой оригинальность, даже уникальность сочетается с освоением традиций европейской культуры, принадлежностью к определенному кругу (что позволяет использовать элементы ко-биографии). Отмечено, что Оскар Уайльд сам создал свой искусственный имидж, свою судьбу, миф о себе и подвел автобиографию к той черте, за которой начинается биография. Он сам определил преимущественный интерес к его личности по сравнению с его же творчеством и, в известном смысле, навязал применительно к себе выбор биографического жанра. Уайльд все больше превращается в литературный персонаж, а его жизнь — в притчу о художнике, не понятом обществом.

В главе 5 исследование переносится в XX век и современность, рассматриваются процессы формирования тезаурусов мировой культуры в условиях глобализации. В условиях глобальной индустрии происходит неизбежная конвергенция культурных символов и стилей жизни, иными словами — культурных кодов. Смешение культурных кодов совершенно нормально для Америки, которая исторически формировалась как «котел наций». Но культурам, в которых сильна организующая роль традиций, этот процесс угрожает серьезными рисками, вызывает напряжения, достигающие иногда высокого накала. В XXI веке глобализация все чаще порождает ответные волны культурного (не только политического) антиглобализма, который в противоборстве с тотальностью навязываемой культуры пользуется нередко теми же самыми тотальными средствами поддержания культурной идентификации людей. Этот отпор строится по направлениям, которые составляют основание тезаурусных конструкций: *свое* и даже *чужое* отделяются от *чуждого*, вызывающего культурный шок или несущего угрозу культурной картине мира больших социокультурных общностей. Глобализации, опирающейся на новейшие информационные технологии, противостоит культурная локализация, которая имеет возможность опереться на те же технологии, те же открытия, те же типы коммуникации, имеет ту же тезаурусную природу, что и ее контр-идея — глобализация, в чем видится основание для их баланса именно на территории культуры.

В современной культуре иное назначение и размах имеют культурные факторы конструирования тезаурусов, которые до последней трети XX века практически не оказывали воздействия на перемену в настроениях и поведении масс в силу начальной стадии своего развития или просто отсутствия (телевидение, Интернет, мобильная связь и др.). СМИ в течение XX века развились до уровня четвертой власти, массовая культура в сочетании с ними образовали тотальные системы социального контроля масс. В работе подробно рассмотрены эти факторы. Особое внимание уделено дизайну (в том числе компьютерному), который трактуется как профессиональное моделирование, позиционирование внешней стороны (облика, звучания и т. д.) реальных и виртуальных объектов и субъектов обыденной (для современности — шире — повседневной) культуры, создание (в настоящее время нередко с помощью компьютера) модного силуэта с целью повышения успеха презентации феноменов этой культуры без прямой связи с их функцией, содержанием и семиотическим значением, но в связи с интересами, вкусами, стереотипами реципиента дизайна, на учете которых строится его эстетическое и социальное воздействие. Важно в дизайне обращение к тезау-

рису — субъективному представлению о культуре (где субъектом выступает не только отдельный человек, но и социальные группы, класс, нация, человечество в целом). Если художественная, духовная, научная и т. д. культура развивает тезаурус и переструктурирует его, то дизайн пользуется уже сложившимися его структурами, оказывая воздействие лишь на переструктурирование обыденных потребностей. Лавинообразный рост и развитие дизайна свидетельствует о перераспределении значения разных видов культуры в современном обществе, приоритетном месте в коллективном сознании новейшей эпохи культуры повседневности. Охарактеризован также Интернет (в частности, блоги). Анализу подвергнуто и современное телевидение. Делается вывод о связи этих новых феноменов с особой культурой — культурой Происходящего, которая и конструируется с их помощью.

В главе 6 («Тезаурусы и общество») тезаурусному анализу подвергаются существенные проблемы социологии — в частности, проблема социальных общностей. То, что и тезаурусы, и социальные общности образуются вокруг ценностного ядра, позволяет утверждать, что влияние тезаурусов на становление, функционирование и развитие социальных общностей может быть существенным. Справедливо и обратное утверждение: социальная общность существенно воздействует на то, каковы тезаурусы ее участников. В больших общностях это может быть отмечено главным образом в ситуациях крупных перемен («больших скачков»), когда и тезаурусы приходят в движение и соприкосновение с неизвестными фрагментами социального мира. Феномены, когда быстро трансформируется знаковая система в соответствии с новыми границами и назначением социального контроля, достаточно распространены. Опять-таки, в зависимости от устойчивости тезаурусов они могут быть затронуты новыми веяниями незначительно или даже сложится ситуация принципиального отказа от нововведений (игнорирование новой информации, переопределение ситуаций и т. д.). Как представляется, по крайней мере в немалом числе событий устойчивость тезауруса зависит от устойчивости социальной общности, для которой он типичен. Особенность сохранения тезаурусов в общностях состоит в том, что они передаются из поколения в поколение. В репертуаре межпоколенческих способов передачи тезаурусов есть и институт наставничества, и социальные практики исключения девиантов («отщепенцев», «ренегатов», «предателей» и т. д.), и формы стимулирования (специальные награды для молодых), и разного рода контрольные действия. Из этого следует, что в индивидуальных тезаурусах не так много индивидуального, на тезаурусы воздействуют актуальные для личности общности, к которым

она принадлежит и/или на которые ориентируется. Передача социального опыта от поколения к поколению, формирование нового социального опыта идут в рамках тезаурусных конфигураций. Эти рамки включают и макросоциальные влияния (структурно-функциональные и ситуативные) и микросоциальные влияния (статусно-ролевые, групповой динамики, ситуативные). Жизненные концепции могут оказывать регулируемую роль в преимуществах тех или иных влияний. Применение тезаурусного подхода к изучению социальных общностей выдвигает как первоочередную задачу их *типологизации*. В предварительном порядке могут быть намечены для изучения следующие типы социальных общностей: патерналистский, субкультурный, ретроориентированный, диффузный, миссионерский, неконтактный, конспиративный, принудительный. Другой важный для теории вопрос — *способы поддержания социальных общностей*. На нынешнем этапе осмысления темы могут быть выделены такие способы, как: групповая солидарность; организации, корпорации, социальная инфраструктура; социальные институты и институционализация; ценностно-нормативные регулятивы и преодоление девиаций; идентичность и идентификация; тезаурусы. Социальная общность выступает в конечном счете именно как связь людей, прямая или опосредованная, создаваемая ими самими или принудительно включающая их. Но даже если это связь непрямая, даже если при этом она принудительная, она не является лишь аналитической номинацией, классификационным признаком. Социальные общности обладают свойством реально воздействовать на человека, предопределяя его выборы и формируя поведенческий и когнитивный репертуар.

Тезаурусный подход дает новые средства для описания и понимания процессов социализации. Мы выдвигаем тезаурусную гипотезу социализации, которая включает четыре предположения: (1) Мы принимаем как утверждение, что индивидуальные тезаурусы строятся в рамках социализационного процесса из элементов тезаурусных конструкций. Иными словами, индивидуальные тезаурусы, сколь оригинальными они ни были бы, в своей основе имеют освоенные индивидом в ходе социализации определенным образом структурированные знаниевые фрагменты, воспринятые от значимых других и содержащие ценностно-ориентированную информацию; (2) Это освоение основывается на возможности выбора из тех тезаурусных конструкций, которые имеют хождение в социальном окружении индивида. Эти конструкции могут отличаться по уровню их нормативной значимости для общества, они могут быть широко распространенными или, напротив, иметь хождение в очень узких кругах национальных, социальных, культурных и других

меньшинств. В ситуации социальной и культурной аномии или в конфликтных социальных условиях возникающие из тезаурусных конструкций тезаурусные генерализации могут сосуществовать в индивидуальном или групповом сознании и применяться в зависимости от актуальной ориентационной задачи; (3) Тезаурусные конструкции и их генерализации актуализируются или теряют актуальность как в силу объективных обстоятельств, так и под давлением субъективного определения ситуации. Из этого не следует, что потерявшие актуальность тезаурусные конструкции уходят из тезауруса, они лишь перемещаются на периферию. В изменившихся условиях они могут вновь вернуться в зону актуальных решений; (4) Социализационные практики обеспечивают передачу и актуальных, и неактуальных тезаурусных конструкций, из которых строятся тезаурусы. Становление тезауруса, изменения в нем теснейшим образом связаны с социализационным процессом, с действием социализационной нормы. В то же время разнонаправленные социализационные практики через связь с тезаурусом приобретают цельность. Тезаурусный подход к социализации позволяет, как представляется, преодолеть некоторые противоречия социализационных теорий. Концептуальная сторона этого подхода может быть представлена в следующем виде (с учетом ранее высказанных положений): (1) Тезаурус — индивидуальная конфигурация ориентационной информации (знаний, установок), которая складывается под воздействием макро- и микросоциальных факторов и обеспечивает ориентацию человека в различных ситуациях и на различных уровнях социальности; (2) Освоение социальности в конечном счете идет по модели разделения «своего» и «чужого» (при сильном влиянии значимых других) и выработки позиции по отношению к определяемым фрагментам общественной жизни по конструкции апрейзеров; (3) Адаптация и интериоризация как этапы социализационного процесса в аспекте формирования тезауруса соответствуют последовательности: а) отделение (референция) «чужого» и установление дистанции, приемлемой для отношения к нему, б) переработка «своего» в тезаурусе вплоть до потери осмысленной референции «своего»; (4) Передача социального опыта от поколения к поколению, формирование нового социального опыта идут в рамках тезаурусных конфигураций; (5) Тезаурусы агентов социализационного процесса способны видоизменять как ход (направленность, фазы, скорость) этого процесса, так и его результативность. Результативность социализации оценивается в соответствии с тезаурусной структурой, характерной для данного общества (сообщества). Тезаурусная концепция имеет тесную связь с идеями символического интеракционизма, Чикагской социоло-

гической школы, феноменологической социологии. Но она в большей мере учитывает объективные условия формирования ментальных структур типа тезаурусов, причем не в обобщенной, а в достаточно конкретной форме. Мы исходим из материалистического представления о социализации как процессе, имеющем своим основанием сложившиеся в обществе типы образа жизни (что в марксизме трактуется как фундамент классового деления общества). В то же время социализация в каждый данный исторический момент не является зависимой только от наличных условий бытия, от присущих данной эпохе образцов поведения и мышления и т. д. *Кроме синхронии, есть еще и диахрония тезаурусных конструкций*, и те или иные структуры могут переноситься сквозь века не непосредственно через каналы преемственности и смены поколений, но через сохранение, ретрансляцию и возрождение (после, как нередко бывало, целых эпох забвения) социокультурных кодов в их материализованной форме (тексты). В целом можно утверждать, что более основательное изучение тезаурусов позволяет лучше понять суть и динамику переходных эпох как сгустков сложных социокультурных процессов, которые смешивают более или менее устойчивые пласты тезаурусов. Имеет место эффект *мерцания смыслов*, который означает, что смыслы, отражающие, выражающие и организующие человеческую жизнь, не уничтожимы, они лишь отдаляются от актуальной ситуации в своеобразные запасники исторической памяти и при подходящем случае вновь обретают активность, становятся легитимными, а нередко и «единственно верными».

В работе предложена тезаурусная концепция социального проектирования, в которой отражен более общий социологический принцип, эффективно применяемый в построении теорий относительно различных сторон и проявлений социальности. Суть принципа — в признании активности субъекта социального действия (или иными словами — *социальной субъектности*) в качестве решающего фактора, определяющего содержание и формы социальной жизни. В самом общем виде социальное проектирование представляет собой конструирование локализованного по месту, времени и ресурсам действия, направленного на достижение социально значимой цели. Сущность социального проектирования — конструирование желаемых состояний будущего. Уникальность жизненных миров и их связанность, различающаяся на разных этапах общественной организации, в том числе имеющая особые формы и способы реализации на уровне повседневности, — это свойства и социальной среды проектирования, и субъекта проектирования. Но здесь нет симметрии участия: прежде всего, создатель проекта не существует

вне социальной среды, он несет в себе свойства социальной среды, однако при этом он творчески переструктурирует их, что и дает импульс проекту, нововведению. Среда *возбуждает* проектирование неудовлетворенной потребностью, но сам проект есть акт творчества не среды, а субъекта проектирования, который, таким образом, вырастает в центральную фигуру социально-проектной деятельности.

Генеральная идея субъектно-ориентированного подхода к социальному проектированию состоит в признании тезауруса и его ядра — ценностной системы создателя проекта источником проектной идеи. Этим не умаляется значение объективных факторов разработки и осуществления проекта (заказ, принятие управленческого решения, наличие ресурсов и т. д.) и, в частности, того обстоятельства, что в результате осуществления проекта возникает новый или трансформируется имевшийся социальный объект. Субъектно-ориентированный подход к социальному проектированию не устраняет причинность и обусловленность проектов и проектной деятельности, а идея тезаурусов не означает утери связанности социальной среды. Напротив, тезаурусный подход объясняет связь эпох как дифференцированную передачу социальных эстафет, позволяет обосновать многообразие и многоуровневость социально-проектной деятельности, понять причины несовпадения замысла и исполнения, провала «сильных» и успеха «слабых» проектов. В рамках тезаурусного подхода философия социального проектирования может быть представлена следующими тезисами и правилами: (1) Человек открыт к социальным нововведениям — к их созданию и к их потреблению. Открытость к нововведениям — предварительное условие их разработки и осуществления. Социальные изменения желанны, но мера желания существенно различается и по типам общества, и по особенностям мировосприятия отдельных людей и их сообществ. Общество парадоксальным образом сочетает *проницаемость* и *упругость*: оно принимает даже слабые проекты, сопротивляется даже сильным; (2) Социальный проект повышает степень организованности общества. Создание и внедрение социальных проектов увеличивает дистанцию между «своим» и «чужим», «мы» и «они» в узкой сфере отношений, за счет этого переструктурирует общности и этим уменьшает напряженность в отношениях противостоящих социальных групп; (3) Человек уникален в своей целостности, в своих отдельных свойствах и отношениях он типичен. Неопределенность и мозаичность жизненного пространства преодолевается в области социального проектирования введением параметра *типичности*: а) потребности людей типичны (что подходит для одного, то подходит для многих), б) жизненные траектории людей типичны

(формы жизнедеятельности одного есть формы жизнедеятельности многих), в) поведенческие реакции людей типичны (сходные стимулы рожают в определенной социальной среде сходные реакции), г) всегда найдется определенный тип, а значит — и группа людей, которая поддерживает предлагаемый проект или нуждается в его осуществлении (но типичное не есть характерное для *всего* общества, проект не должен опираться на идею всеобщего счастья); (4) Среди социальных ценностей людей солидарность — одна из высших, явной или латентной целью социального проекта всегда является солидарность людей; (5) Конструктивность социального проектирования не отменяет запредельных идей, и «требование невозможного» на предварительных этапах работы, включая концептуальный этап, есть также создание возможного. Социальное проектирование — один из ведущих способов современной организации общественной жизни, управления обществом. Социальный проект субъектно-ориентирован. Тезаурусный подход к социальному проектированию эффективен в условиях рыночной экономики, где субъектная ориентация проекта ограничена свободой выбора других субъектов жизнедеятельности.

В главе 7 тезаурусный подход применен к сфере образования. Образование не может не строиться на определенной ценностно-нормативной системе, оно несет новому поколению освоенное старшими поколениями знание в определенной ценностной оболочке, которая включает отбор учебного материала, акценты в нем, которые расставляются авторами учебников и учебных пособий, а в аудитории — преподавателем, организацию определенным образом направленной воспитательной работы как в учебном процессе, так и вне его. Ценностное основание образования делает неуместной постановку вопроса о полноте учебного курса, учебника и других учебных материалов в абстрактно-логической форме. Полнота информации или ее отсутствие в образовательной программе подчиняется ценностному (тезаурусному) принципу. Образование вносит значительный, иногда решающий вклад в разделение субъектом *своих* и *чужих*, особенно когда это касается профессиональных сообществ. Образовательные программы существенно меняют содержание *своего* и *чужого*, границы между ними и способы защиты от *чуждого*. Они формируют и субъекта, и уже в вузе на старших курсах в массе студентов различимы представители получаемых специальностей. Но еще более значим происходящий переход на новый уровень социальных отношений. Культурные пласты, привнесенные студентом из повседневной жизни и связанные с локальной культурной идентичностью, испытывают вытесняющее их воздействие культурных

пластов, связанных с мировым культурным достоянием всех веков и народов. Тезаурусы, не востребованные сегодня в практической жизни, могут долгое время находиться в тени и воспроизводиться, среди прочего, по каналам образования. Из-за автономности системы образования в ее недрах в той или иной форме живут тезаурусные конструкции, выпавшие из активной общественной жизни. Они могут удерживаться устной традицией и передаваться от учителя к ученику вне административного контроля и огласки, могут передаваться «по наследству» группами сверстников, присутствовать в учебных материалах (в том числе и в виде критики). Не случайно распространение тех или иных общественных и культурных идей связывается с школой, вузом. И даже в метафорическом обозначении форм передачи тезаурусных конструкций мы обнаруживаем ту же ссылку на школу (научная школа, художественная школа и т. п.). Подробно охарактеризованы проблемы воспитания. В этой сфере выделены и описаны четыре парадигмы: 1) авторитарного воспитания; 2) природосообразного воспитания; 3) воспитания в коллективе сверстников; 4) индивидуального выживания в обществе риска. Многие примеры показывают, насколько трудно прогнозировать успешность воспитания, как противоречиво могут сочетаться ценности, которых придерживается человек. Здесь и проявляются особенности бытования тезаурусных конструкций, которые строятся на концептах и «общности рассеянных событий», продвигаются к ядру тезауруса и формируют в этом случае картину мира или отодвигаются на периферию, переходя из области *своего* в область *чужого*, а в предельных случаях — и в область *чуждого*. Тезаурусные конструкции — подобно заготовкам на складе знаний — извлекаются в нужный момент, дорабатываются, пригоняются к другим и начинают новую жизнь, в тезаурусных генерализациях приобретая эмерджентные качества. Формирование тезаурусов и воспитательный процесс, таким образом, оказываются тесно связанными. В конечном счете, это по своему характеру один и тот же процесс, специфику которому придают свойства воспитания (целенаправленность, систематичность и др.), с одной стороны, и свойства тезауруса (иерархичность знаний, дихотомия «своего-чужого» и т. д.), с другой. На перекрестке первого и второго образуется новое качество освоенного знания. Необходимо учесть, что в обществе, а точнее в разных общностях, его составляющих, одновременно находятся фрагменты разных ориентационных комплексов, выражающих основное назначение тезауруса. Некоторые из них видны, что называется, невооруженным глазом, они признаны полезными для человека и общества, их формируют в официальных воспитательных учреждениях и т. д.

Другие фрагменты находятся в тени, некоторые просто спят и ждут своего часа, когда они смогут себя проявить открыто. В переходные эпохи на поверхность выходит вся палитра ориентационных комплексов и этим сама ориентация становится крайне неопределенной. Именно тогда оказывается шаткой и система воспитания, которая эффективна в полной мере 1) в обществах с устойчивой ценностно-нормативной системой; 2) в суррогатных условиях стабильности, создаваемых в пределах социальных и культурных общностей разного масштаба и назначения (диаспоры, клубы по интересам, тайные общества и т. п.). Тезаурусные конструкции как бы живут своей жизнью и могут переноситься сквозь века не непосредственно через каналы преемственности и смены поколений, но через сохранение, ретрансляцию и возрождение (после целых эпох забвения, как нередко бывало) социокультурных кодов. Имеет место, как мы уже замечали, эффект *мерцания смыслов*.

Для социализации, а следовательно, для успешного воспитания характерно то, что путь к освоению норм, ценностей, образцов поведения обычно идет через освоение *социальных практик*. Социальные практики — это заданная (освоенная) структура поведения, а можно сказать иначе: это схема или *сценарий* поведения в типичных ситуациях, плюс *событие*, в котором такой сценарий применяется, плюс *тезаурус* как ориентация, позволяющая успешно справиться с конкретной задачей, возникшей в данном событии. Воспитательный процесс наилучшим образом реализует свои цели, когда в его начале стоит *освоение какой-либо социальной практики*. Она может давать воспитательный эффект косвенно, но этот эффект будет надежным, устойчивым. Консервативность воспитания подрывается глобализацией, а точнее ее конкретными выражениями — американизацией, коллажем из фрагментов разных культурных стилей. И в условиях культурной экспансии воспитание дает свой ответ на вызовы, брошенные глобализацией обществу: (1) Из иерархических структур, формальных институтов, из сферы заботы государства, церкви, системы образования воспитание все больше переходит в социальные общности, масштаб которых не имеет значения — лишь бы в общности была высокая степень идентичности входящих в нее людей: где есть возможность разделить *своих* и *чужих*, там потенциально есть место успешному воспитанию; (2) В целом на фоне глобализации с ее тотальным контролем над странами и личностью идет переконструирование связей, образующих общности, иерархия в повседневной жизни людей все в большей мере уступает место социальным сетям; (3) Сочетание иерархии и сетей позволяет разнообразить воспитательный импульс и, главное, обойти тоталитаризм средств массовой

информации, которые для современного воспитателя — педагога, родителя, наставника составляют наиболее сложное препятствие на пути к душе воспитанника. Воспитатель вновь ищет возможность опереться на соразмерность человека природе, простым и естественным человеческим отношениям. Теперь в его арсенале — проектные технологии, позволяющие в небольшом, но хорошо спланированном деле реализовывать высокие, масштабные идеи, формировать у воспитанника нравственные ориентиры. Здесь вновь находит себе место и воспитательная парадигма опоры на коллектив сверстников, значение которой будет возрастать. Передача социального опыта от поколения к поколению, формирование нового социального опыта идут в рамках тезаурусных конфигураций. Эти рамки включают влияния и макросоциальные (структурно-функциональные и ситуативные), и микросоциальные (статусно-ролевые, групповой динамики и опять же ситуативные, но другого уровня). Жизненные концепции могут определять, какие влияния станут главными. Вот где результаты воспитания перетекают в мировоззрение. В современных условиях мировоззрение не равно тезаурусу, поскольку по своей природе — это ориентация, основанная на макрофакторе — модели мира и человека, в то время как ориентация в микромире может обойтись и без этого (усвоенные схемы действий и т. д.). Но наступает время, и от общих вопросов человеческого бытия не скроешься в уютном мирке повседневных забот и радостей. Тогда наступает и время Большого Воспитания.

В работе подробно рассмотрены вопросы тезаурусного основания гуманитарной экспертизы — исследовательской деятельности, имеющей целью сформировать общественную оценку различных нововведений с точки зрения культуры, этических и правовых норм, а также выявить и спрогнозировать возможные угрозы и риски от внедрения инноваций для человека. Для гуманитарной экспертизы характерно особое соотношение специальных, технических моментов, с одной стороны, и того, что относится к сфере ценностей, с другой, поскольку материя, с которой имеет дело гуманитарная экспертиза, — это именно интересы и ценности, то есть то, что определяется человеческой субъектностью. Все это затрагивает и сферу образования. Во-первых, образование само подлежит гуманитарной экспертизе, поскольку относится к сферам, существенно влияющим на жизнеспособность человека и человеческого общества. Во-вторых, многие проблемы, подлежащие гуманитарной экспертизе (проблемы биоэтики, применения технических нововведений, потенциально содержащих угрозу для здоровья людей, и т. д.), составляют предмет изучения в системе образования и формирования у

обучающихся определенных установок в их отношении. Разумеется, экспертиза содержания передаваемого через каналы образования знания в той или иной мере затрагивает и способы его (знания) трансляции, но методическое обеспечение предметов в этом аспекте лишь дополняет основное: какова та организованная и осмысленная информация, которая не только составляет профессиональную подготовку, но и формирует личность, востребованную эпохой. Образовательные программы с самого начала надо понять как тезаурусные конструкции. Если в программах естественных и технических дисциплин это положение не очевидно, то в сфере гуманитарного знания — а нас оно преимущественно и интересует — можно формировать образовательные программы (соответственно и учебные программы отдельных курсов) только по тезаурусному принципу. Тезаурусность осваиваемого в образовательных программах знания имеет как положительные, так и отрицательные стороны. Положительные состоят в том, что полученное знание открывает пути в новые миры, ориентируя при этом носителя тезауруса в окружающем пространстве, включая и профессиональные сообщества. Все последующее профессиональное знание, требующее высшего образования, нарастает на скелете знаниевых парадигм и культурных образцов, заложенных в начальной и средней школе и сформированных как научное знание в вузе и послевузовской системе образования. Уже этим оно развернуто во времени, снабжено схемами освоения, встроено в ценностно-нормативный каркас профессионального сообщества. Даже при смене профессии начальная подготовка продолжает напоминать о себе — где аргументацией из смежных областей знания, где логикой рассуждения, где новизной подхода, где неожиданностью концепций. Обратная сторона тезаурусности образовательных программ состоит прежде всего в феномене профессиональной ограниченности, которая в ситуациях согласования решений, требующих привлечения междисциплинарных знаний, создает напряженность и даже серьезные конфликты. В силу различия тезаурусов экспертиза образовательных программ оказывается крайне проблематичной. В конечном счете, и разумные программы, подготовленные с учетом резонансов, которые подсказывает здравый смысл, и программы, вызывающие критику и возмущение педагогов, обучаемых, общественности, научных сообществ, являются материализацией тезаурусов. В силу концентрации в учебных программах по тем или иным курсам знания, которое предстоит освоить новому поколению, тезаурусные конструкции здесь видны непосредственно. Более того, они выступают как инструменты принудительной социализации. Возможно, что в сфере образования удастся отработать способы

опережающего реагирования, которое позволяет обнаруживать возможные риски нововведений (включая и гуманитарные технологии), когда они еще не очевидны и слабо сознаются в обществе. В школе, колледже, вузе проще, чем на многих других объектах, установить упорядоченную систему фиксации и корректировки последствий нововведений, то есть обеспечить применение гуманитарной экспертизы не как одноразового мероприятия, завершающегося принятием управленческого решения, а как своего рода мониторинга проблемы и одновременно формы диалога сторон, ответственных за реализацию инноваций.

Образование тезаурусно. Только учитывая это обстоятельство можно и разрабатывать государственные стандарты образования всех степеней, и вести критику учебной литературы и практики преподавания отдельных предметов. Из этого постулата важно извлечь предупреждение относительно ограниченности наших возможностей передавать новым поколениям единственно верное и исчерпывающее знание. Педагогическое самомнение и чванство, претензия на истинность в последней инстанции в свете тезаурусного подхода не имеет никаких серьезных оснований. В то же время важно увидеть в тезаурусном подходе ключ к более совершенному построению образовательных программ и образования в целом — с опорой на разность тезаурусов и их взаимное дополнение.

В Заключении подводятся итоги исследования. Концепция тезауруса как субъектно организованного гуманитарного знания — то есть таким образом организованного, что оно соответствует месту и роли субъекта в окружающем мире и позволяет ему этот мир постигать, ориентироваться в нем и менять его, а заодно развивать и собственные потенциалы, — дает свою трактовку человеческой активности, сближающуюся с рядом философских, социологических, культурологических, антропологических теорий нашего времени, но и отличающуюся от них.

Исходное определение тезауруса выступило своего рода путеводной звездой в исследовании, которое позволило убедиться в том, что для тезаурусов характерны: неполнота по сравнению с многообразием действительности и реальным развитием культуры — и в то же время полнота как достаточность для ориентации субъекта в доступном фрагменте природной и социальной реальности и культуры, а также для наращивания потенциала развития субъекта; единство, несмотря на фрагментарность и автономность составляющих тезаурус элементов (концептов, культурных констант и т. д.), которое обеспечивается субъективно (внутренняя логика), в частности на уровне индивида — через единство личности (единство тезауруса соединено прямыми и обратны-

ми связями с идентичностями, которые осваивает субъект в многообразном социальном и культурном мире); иерархичность значимого и незначимого, идущая от ценностного строя тезауруса (ядро тезауруса составляет культурная картина мира, которая иерархически выстраивает восприятие мировой культуры и культуры Происходящего, отделяя важное и потому интересное, от неважного и потому неинтересного; главное направление дифференциации знания, осуществляемой управляющими структурами тезауруса, составляет ось «свое — чужое — чуждое», где *свое* и *чужое* находятся в границах тезауруса и различаются прежде всего дистанцией от тезаурусного ядра, а *чуждое* достигает тезауруса, только пройдя через ментальные мембраны, проконтролированное и сопровождаемое ярлыком антиценности; конструирование и переконструирование социальной и культурной реальности: творческое пересоздание, переосмысление информации о действительности и в результате — воздействие на нее, обновление жизненных форм, порождение новых событий (это свойство делает в рамках тезауруса такое представление о реальности, которое совмещает действительное и виртуальное без всякой дистанции и регулируется субъективным определением ситуации); наличие родственных явлений в разных тезаурусах, что ставит вопрос о генезисе тезаурусов (тезаурусы могут воспроизводить ориентирующие знаниевые комплексы, сложившиеся в других пространственно-временных обстоятельствах, заново актуализируясь после длительных периодов забвения, в этом режиме мерцания тезаурусы неуничтожимы, по крайней мере, их устойчивые черты способны возрождаться через века); действенность, или, иными словами, такая встроенность тезауруса в управление человеческим поведением — и индивидуальным, и групповым, которая обеспечивает выбор стратегий и тактик, целеполагание и достижение целей, изменение действительности (сопряжено с социализацией личности и системами воспитания, а также с развитием социальных общностей и социокультурным проектированием).

Тезаурусная концепция позволяет прояснить пути развития социальной и культурной субъектности и обнаружить ее противоречивые черты как в опредмеченной деятельности, так и в фактах самосознания, выполняющих важную регулятивную функцию. В этом направлении прежде всего и будет развиваться теория и практика тезаурусного подхода в гуманитарном знании.

Важнейшее же из ожидаемого видится в том, что тезаурусный подход позволит завершить переход от области гуманитарных наук — культурологии, социологии, психологии, филологии — собственно к

гуманитарному знанию, комплексному субъектно ориентированному представлению о мире, человеке и культуре.

Монография завершается обширным научным аппаратом, в том числе библиографией работ по теме «Тезаурусы и тезаурусный подход».

*Вл. А. Луков,
Б. Н. Гайдин*

ПОНЯТИЕ «КОНСТАНТА КУЛЬТУРЫ» В ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В научном дискурсе понятие «константа» занимает видное место, может быть даже отнесено к центральным. В физике оно особенно значимо, так как целый ряд формулировок физических законов не может обойтись без констант как особых числовых множителей. Вероятно, первая из таких констант, выведенная еще древними учеными, — число π , получаемое в результате деления длины окружности на радиус (3,14...).

В дальнейшем ученые ввели достаточно большое, но, в то же время, обозримое число констант, обычно называемых по имени тех, кто их определил, и обозначаются буквами греческого алфавита.

Однако константные соотношения существуют и в других видах. Например, теорема Пифагора (квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов) также устанавливает константное соотношение, одну из основ геометрии. Считается, что Леонардо да Винчи вывел другую константу, характерную уже не для мертвой природы, а для человека и его созданий — «золотое сечение», математически выражающееся в виде дроби $AB/AC = BC/AB = 0,618...$ Однако уже древние египтяне использовали это константное соотношение, более того, оно было положено в основу древнеегипетского канона, на котором основана архитектура, скульптура, изобразительное искусство, иероглифика¹. В XX веке выдающийся архитектор Ле Корбюзье положил его в основу модели новой архитектуры, названной им «модулар»².

¹ См.: Померанцева Н. А. Эстетические основы искусства Древнего Египта. М.: Искусство, 1985. С. 113.; Луков Вл. А. Останин А. А. Дизайн: культурологический анализ. М.: НИБ, 2005.

² Ле Корбюзье. Модулар: Сокр. пер. с франц. М.: Стройиздат, 1976. Слово придумано архитектором в 1945 — начале 1946 г., оно произведено от широко используемо-

Следует обратить внимание на то, что первоначально математические соотношения, выявленные древними, трактовались в мистико-религиозном духе. Аналогично можно охарактеризовать пифагорейское учение о гармонии. Стробей, в чьем изложении известны взгляды Пифагора, писал: «О природе и гармонии следует мыслить так. Сущность вещей, будучи самою их вечною природой, подлежит не человеческому, а божественному ведению. Ибо ясно, что мы не могли бы познавать ничего из того, что есть и познается нами, если бы она [эта природа — гармония] не была внутренне присуща вещам, из которых составлен мир, — предельным и беспредельным. А так как самые начала различны и разнородны, то невозможно, чтобы космический порядок был установлен ими без посредства гармонии, откуда бы она ни явилась. Ибо подобные и однородные элементы не нуждались бы в согласовании; различные же, разнородные по своей природе и направлениям должны быть по необходимости связаны такой гармонией, чтобы войти в космический порядок»³.

В Новое время, как принято считать, первым, кто сделал попытку объяснить термин «константа» в значении концепта культуры, при этом не употребляя это слово, был Г. В. Лейбниц. В своих «Новых опытах о человеческом разумении» (1703–1704, опубл. 1765) он подвергает критике известный труд Дж. Локка «Опыт о человеческом разумении» (1690). В предисловии Лейбниц замечает, что его система значительно отличается от локковской системы, которая во многом строится на идеях Аристотеля. Он же в качестве основы для своих доводов использует идеи Платона и тех схоластиков, «которые толкуют соответствующим образом известное место в послании св. Павла к римлянам (II, 15), где он говорит, что закон божий написан в сердцах»⁴.

Книга построена в виде диалога между Филалетом и Теофилом, которые выражают точки зрения соответственно Локка и самого автора.

го в архитектуре термина «модуль» — (лат. «мера»). Модуль — это универсальная сетка пропорций, основанная на пропорциях человека («золотом сечении»): «Представьте себе человека с поднятой рукой общей высотой 2,2 м. Впишите такую фигуру в два, поставленных один на другой, квадрата со сторонами 1,1 м каждый; впишите в эти два квадрата третий, который поможет вам найти искомое решение. **Правило вписанного прямого угла** определит положение третьего квадрата», — разъяснял Ле Корбюзье. Таким образом, золотое сечение здесь соединено с основными константными соотношениями геометрии.

³ История эстетики: Памятники мировой эстетической мысли: В 5 т. М.: Изд-во Академии художеств СССР, 1962. Т. 1. С. 80–81.

⁴ Лейбниц Г. В. Новые опыты о человеческом разумении автора системы предустановленной гармонии // Лейбниц Г. В. Сочинения: В 4-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1983. С. 48.

Лейбниц формулирует идею, которая кардинально расходится с мнением Локка о том, что человеческая душа при рождении человека представляет собой «чистую доску» («*tabula rasa*»), которая затем постепенно заполняется опытным путем. Лейбниц, напротив, доказывает, что душа изначально обладает неким набором понятий и принципов, который нельзя приобрести эмпирически: «Нематериальное существо, или дух, не может быть лишено всякого восприятия своего прошлого существования. У него остаются впечатления от всего, что с ним некогда случилось, и он обладает даже предчувствием всего, что с ним может случиться, но чувствования эти чаще всего слишком слабы, чтобы их можно было отличать и сознавать, хотя когда-нибудь они, может быть, и разовьются»⁵. Философ выстраивает теорию бессознательных малых перцепций, под воздействием которых душа, обладая способностью к анализу, дает человеку возможность при необходимости постоянно уточнять значения тех или иных понятий. Таким образом, Лейбниц категорически не соглашается с Локком и доказывает, что в душе каждого новорожденного а priori существуют истины, принципы и понятия, например, о ней самой, которые суть рациональны и позволяют духу выстраивать связи между явлениями: «... если можно сказать о каком-нибудь отдельном предложении, что оно врожденное, то можно будет утверждать на том же основании, что все предложения, которые разумны и которые дух мог бы считать таковыми, уже заключены в душе»⁶. Из этого вытекает утверждение Лейбница о полной познаваемости мира, которое кардинально расходится с мнением Локка о том, что миропорядок познаваем лишь частично⁷.

Хотя Лейбниц и не использует само слово «константа», однако вполне очевидно, что его врожденные понятия-принципы, по сути, и являются некими постоянными концептами, которыми человек начинает оперировать с момента рождения.

Термин «константа» в философско-религиозном истолковании культуры использовал французский ученый, представитель неотомизма, один из крупнейших знатоков средневековой западноевропейской философии Этьен Жильсон в своей книге «Лингвистика и философия. Эссе

---

⁵ Там же. С. 240.

⁶ Там же. С. 78.

⁷ См.: Грицанов А. А. Новые опыты о человеческом разумении... // История философии: Энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2002. (Мир энциклопедий).

о философских константах языка»⁸. Однако, как замечает акад. Ю. С. Степанов, идея констант отчетливо ощущается уже в более ранней работе Э. Жильсона «История философии в средние века. От начал патристики до XIV в.» (1922).

Э. Жильсон был представителем течения аджорнаменто (итал. *aggiornamento* — «осовременивание, приведение в соответствие с настоящим днем»), т. е. выступал за то, чтобы теология (в данном случае католическая) была направлена на ассимиляцию новых философских идей. В ходе своих изысканий и умозаключений философ довольно часто оперирует и использует термин «константа», говоря о каких-либо постоянствах. Так, к примеру, в своем труде «Средневековая философия» он, рассуждая о роли понтификата Григория VII (а точнее о значении трудов пре-григорианцев и григорианцев, соответственно подготовивших преобразования этого периода истории католической церкви и осуществивших их вероучительное доказательство), предполагает наличие следующей закономерности: *«для средневекового мыслителя государство находится в том же отношении к Церкви, в каком философия находится к теологии, а природа — к благодати»*⁹. И далее Жильсон замечает, что в эпоху Средневековья теологам-философам «обычно не составляло труда установить константу, определявшую их позицию по всей совокупности относящихся сюда вопросов»¹⁰. Именно поэтому ученый считает, что есть потенциальная возможность того, что может возникнуть идея осуществить попытку установить потенциальные *константы*, однако тут же оговаривается, что «каждый средневековый мыслитель — особая индивидуальность и его позиция характеризуется специфическими нюансами, которые историк обязан учитывать»¹¹.

Один из наиболее фундаментальных трудов, которые затрагивают проблему культурных констант, — «Константы: Словарь русской культуры» — принадлежит академику РАН Ю. С. Степанову¹². Он дает следующее определение этому понятию: «Константа в культуре — это концепт, существующий постоянно или, по крайней мере, очень долгое время»¹³. В свою очередь, под концептом понимается «основная

---

⁸ Gilson E. Linguistique et philosophie. Essai sur les constantes philosophiques du langage. P.: Librairie philosophique J. Vrin, 1969.

⁹ Жильсон Э. Средневековая философия
// http://www.i-u.ru/biblio/archive/jilson_filosofija/03.aspx

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Академический Проект, 2004.

¹³ Там же. С. 84.

ячейка культуры в ментальном мире человека», а также «сгусток культуры в сознании человека»¹⁴. Таким образом, человек получает представление о культуре именно посредством концептов, сам становится ее частью и может оказывать на нее воздействие, приводя к ней какие-либо изменения. К примеру, концепт «коммунизм» — это весь набор ассоциаций, представлений, идей и т. п., которые возникают у носителя данной культуры при использовании слова «коммунизм». Главное отличие концептов от понятий заключается в том, что они «не только мыслятся, они переживаются»¹⁵.

Под «константой» Ю. С. Степанов также понимает «некий постоянный принцип культуры». Например, таковым является принцип создания алфавитов¹⁶. Очевидно, что то, каким образом построен алфавит языка, на котором говорит данный этнос, во многом определяет его культуру и менталитет.

Согласно Ю. С. Степанову можно выделить «априорные (доопытные)» и «апостериорные (опытные, эмпирические)» концепты. Первые представляют собой «неотъемлемую принадлежность ума»¹⁷, т. е. присущи человеческому мозгу изначально от природы. К примеру, большинство людей с самого рождения, если согласиться с доводами И. Канта и Г. В. Лейбница, осознают разницу между «множественностью» и «единичностью», им в той или иной степени ясен концепт «число». Некоторые ученые полагают, что к подобным концептам следует относить интенционалы (т. е. свойство предикатного выражения, например, «быть человеком»). Вторые входят в тезаурус человека постепенно в течение жизни («Любовь», «Надежда», «Вера», «Свои» — «Чужие», «Интеллигенция», «Грех» и т. д.)

Ученый далее отмечает, что, с одной стороны, вполне логично было бы предположить, что «абсолютными» константами могут быть названы исключительно концепты первого типа, однако, с другой, по его мнению, концепты второго типа также не являются «в своем ядре» менее постоянными. Именно по этой причине он подчеркивает, что все базовые концепты по существу проанализированы в его труде «Константы: Словарь русской культуры» как константы.

Исходя из своей теории констант Ю. С. Степанов предлагает следующее определение культуры: «Культура — это совокупность

---

¹⁴ Там же. С. 43.

¹⁵ Там же.

¹⁶ См.: Степанов Ю. С., Проскурин С. Г. Константы мировой культуры. Алфавиты и алфавитные тексты в периоды двоеверия. М.: Наука, 1993.

¹⁷ Степанов. Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. С. 84.

концептов и отношений между ними, выражающихся в различных “рядах” (прежде всего в “эволюционных семиотических рядах”, а также в “парадигмах”, “стилях”, “изоглоссах”, “рангах”, “константах” и т. д.)»¹⁸.

Ученица известного отечественного культуролога Э. С. Маркаряна С. В. Лурье подробно рассматривает понятие «культурная константа». Исследовательница полагает, что человек осуществляет свою деятельность в окружающем его мире, оценивая и интенционально воспринимая его через некую призму — комплекс культурных констант. Таким образом, этот комплекс — «та призма, сквозь которую человек смотрит на мир, в котором должен действовать, основные парадигмы, определяющие возможность и условия действия человека в мире, вокруг которых выстраивается в его сознании вся структура бытия»¹⁹.

С точки зрения С. В. Лурье, культурные константы подвигают людей на совершение поступков, определяют их направленность и «предопределяют наше восприятие мира»²⁰. Она считает, что такая когнитивная схема изначально внелогична и иррациональна, являясь уникальной в каждой культуре. Однако может возникнуть «иллюзия объективности картины мира». Это, в свою очередь, объясняется тем, что данная внелогичность помогает человеку более комфортно адаптироваться в окружающей среде путем снижения ощущения противоречивости.

С. В. Лурье утверждает, что мы никогда не осознаем культурные константы. Она полагает, что, если нашу картину мира можно подвергнуть критике, то культурные константы, наоборот, не поддаются суждению, поскольку мы их не видим: «они всегда всплывают лишь в виде представлений по поводу каких-то определенных проблем или объектов, то есть в форме максимально конкретизированной»²¹. Культурные константы могут проявляться очень разнообразным способом, поэтому выявить какую-либо конкретную закономерность достаточно трудно.

Итак, по Лурье, совокупность культурных констант — это «первичная формализованная модель действительности, <...> модель действия сообщества людей (образа “мы”) в мире»²², в котором люди ориентируются по определенной культурной парадигме.

---

¹⁸ Там же. С. 40.

¹⁹ Лурье С. В. Психологическая антропология: история, современное состояние, перспективы // <http://svlourie.narod.ru/PA/Intro.htm>

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

Прослеживается следующий порядок движения представлений о константах: из синкретичности (первоначальной неразделенности) религиозного и научного аспектов формируются две ветви, одна — в сторону естественных наук с утратой религиозно-философского осмысления, другая — в сторону гуманитарного знания, где это осмысление сохраняется, но исчезает физико-математическая основа константности.

На данный момент истории сложилась следующая особенность констант: константы в естественно-научном знании имеют количественный и объективный характер; константы в гуманитарном знании (или константы культуры) имеют качественный и субъективный характер.

Можно ли говорить, что в культуре существуют какие-либо константы? С одной стороны, очевидно, что культура испытывает в той или иной степени постоянные трансформации своих составляющих. С другой стороны, в каждой культуре существуют некоторые основополагающие понятия, которые практически не подвергаются изменениям, а если это и происходит, то только за очень продолжительный период времени.

Из разнообразных определений понятия «культура» очевидно, что для культуры является очень важным наличие традиции. Здесь можно привести высказывание Н. А. Бердяева о том, что «благородство всякой истинной культуры определяется тем, что культура есть культ предков, почитание могил и памятников, связь сынов с отцами. Культура основана на священном предании. И чем древнее культура, тем она значительнее и прекраснее»²³.

В 2002 г. к 70-летию Российского института культурологии вышел очередной одиннадцатый Ежегодник «Постижение культуры», который был полностью посвящен рассмотрению инновационного проекта словаря «Константы и концепты культурологии». В рамках научного семинара «Философские основания культурологии» стало очевидно, что для того, чтобы окончательно утвердить за культурологией роль особой метанауки, необходимо попытаться описать и построить парадигму взаимодействия между герменевтически-гуманистическим и конструктивно-антропологическим подходами. Таким образом, встает задача разрешить теоретические вопросы таких терминов как «инвариант», «концепт», «константа»²⁴. Было предложено рабочее определение, со-

---

²³ Бердяев Н. А. Философия неравенства // Бердяев Н. А. Собрание сочинений. Т. 4. Париж: YMCA-press, 1990. С. 558.

²⁴ См.: Постижение культуры: Ежегодник. Вып. 11 / М-во культуры РФ. Рос. ин-т культурологии; Редкол.: О. К. Румянцев (отв. ред.) и др. М., 2002.

гласно которому «**константами** в культурах являются некоторые параметры, определяющие возможность наличия человека как существа, стремящегося к **истине**, обладающего знанием **добра** и чувством **красоты**». Далее следует тезис о том, что в каждой культуре будут свои уникальные представления о триаде «истина-добро-красота». Таким образом, концепты (а, следовательно, и константы) могут иметь существенные, подчас диаметрально противоположные признаки в разных культурных мирах и находиться как в ядре тезауруса носителя конкретной культуры, так и на его периферии. Создание задуманного коллективом культурологов словаря несомненно станет важной вехой в развитии культурологии в целом и в разработке теории культурных констант в частности.

Очевидно, что бóльшая часть (если не вся!) культурных констант отражена в искусстве как наиболее полном сосредоточии тезаурусных механизмов стабилизации социодинамики культуры. Первостепенно значение в нем играет литература, поскольку она имеет словесно-письменную форму и дает человеку возможность открыть для себя что-то новое, причем то, что он чаще всего никогда не увидит собственными глазами в реальной жизни. Ни один другой вид искусства не способен в этом соревноваться с литературой.

Можно выделить четыре качества литературы, которые и придают ей это особое положение среди остальных видов искусства:

- 1) *словесно-письменная форма* (литература дает возможность соединения системно-логической и художественной форм постижения всего многообразия мира);
- 2) *эффект виртуальности* (читатель способен вообразить то, что может хорошо конкурировать как с реальным, так и ирреальным мирами по своему содержанию);
- 3) *эффект ментальности* (возможность фиксирования и передачи результатов мозговой деятельности, которые будут определены тезаурусом субъекта);
- 4) *эффект переводимости* (возможность частично или полностью сохранять содержание при трансляции в устной форме, переводе в код другого языка, постановке в театре, балете, опере, экранизации и т. п., а также в том или ином объеме передавать в словесной форме содержание других видов искусства).

В литературе константами-инвариантами являются вечные образы, под которыми понимаются художественные образы, составляющие своеобразный инвариантный арсенал художественного дискурса писателей и поэтов.

В целом константа культуры может быть определена как элемент или феномен опоры культурного тезауруса (знак, понятие, концепт, образ, символ), имеющий качественную характеристику, легко приспособляемую к широкому спектру исторических ситуаций и поэтому выступающий как остров стабильности в бурном море социокультурной динамики. Нам представляется, что теория культурных констант может быть разработана на основе теории вечных образов (как ее частного случая), которую однако также еще только предстоит попытаться систематизировать.

*Вл. А. Луков,
Н. В. Захаров*

ГУМАНИТАРНЫЕ КОНСТАНТЫ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР: ШЕКСПИРИЗАЦИЯ, ШЕКСПИРИЗМ*

Шекспиризация — процесс в русской и мировой культуре, который характеризует, с одной стороны, интерес к наследию Шекспира, с особой силой возникший во второй половине XVIII века, с другой — то влияние, которое творчество драматурга оказало на литературу, музыку, изобразительное искусство, театр и кинематограф в дальнейшем. В современном литературоведении термин *шекспиризация* используется наряду с термином *шекспиризм*.

Историко-теоретический подход в литературоведении и общенаучный тезаурусный подход позволили по-новому осветить переходные эстетические явления, для описания которых в других системах не было соответствующих терминов и стоящих за ними представлений, перейти от характеристики сформировавшихся литературных феноменов к анализу процессов их становления. Шекспиризация относится к такого рода процессам, а точнее — к принципам-процессам. Принципы-процессы — категории, которые передают представление о становлении, формировании, развитии принципов литературы, усилении некой тенденции. Их названия выстраиваются по сходному лингвистическому основанию, подчеркивающему момент становления или нарастания некоего отличитель-

---

* Статья включает результаты исследования, проведенного в рамках проекта «Шекспиризм русской классической литературы XIX века» (Роснаука МК-2495.2007.6).

ного качества художественного текста на фоне литературной парадигмы (господствующей системы соотношений и акцентов в литературных дискурсах): «психологизация», «историзация», «героизация», «документализация» и т. д.

Особую группу среди принципов-процессов составляют те из них, которые отмечают персональные влияния на литературу. Одно из первых мест в этом отношении занимает понятие *шекспиризация*²⁵. Соответствующий принцип-процесс в русской литературе проявился несколько позже, нежели в западноевропейских литературах. Наиболее характерны в этом аспекте повесть И. С. Тургенева «Гамлет Щигровского уезда» из цикла «Записки охотника» (1847–1852) и рассказ Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» (1865), в которых отразились тенденции, схожие с теми, что проходили в немецкой и французской литературах. Шекспиризация создала предпосылки для освоения отечественной культурой высочайших образцов европейской литературы.

Впрочем, специфику освоения шекспировского наследия в отечественной художественной культуре точнее всего характеризует такое понятие, как *шекспиризм*. Если процесс шекспиризации предполагает прежде всего включение в национальное культурное пространство шекспировских тем, образов, сюжетов и мотивов, то шекспиризм, напротив, характеризует, скорее, восприятие и усвоение идейной, мировоззренческой стороны творчества самого Шекспира, его видения и понимания истории и современности, прошлого и будущего.

Шекспиризм — идейно-эстетическое направление, характеризующее диалог культур России и Европы и проходящее через призму изучения и освоения творческого наследия Шекспира. Впервые термин *шекспиризм* в русской критической мысли в середине XIX века ввел П. В. Анненков²⁶. Во многом именно потому, что своим возникновением этот термин обязан изучению заочного диалога Пушкина и Шекспира, отчасти потому, что именно за Пушкиным в русской культуре закрепилась репутация первого серьезного шекспиролога, понятие *шекспи-*

---

²⁵ См.: Луков Вл. А. Шекспиризация // Компаративистика: Современная теория и практика : международная конференция и XIV Съезд англистов (13–15 сентября 2004 г.) : в 2 т. Самара, 2004. Т. 2. С. 388–403; Его же: Шекспиризация (к теории и истории принципов-процессов) // Шекспировские штудии: Трагедия «Гамлет»: Материалы научного семинара, 23 апреля 2005 г. / Моск. гуманит. ун-т, Ин-т гуманит. исследований. М., 2005. С. 3–20; (То же: <http://rus-shake.ru/>).

²⁶ Анненков П. В. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху. СПб., 1874 (глава «Шекспиризм»).

ризм чаще всего применялось к его творчеству²⁷. Тем не менее, в осмыслении пушкинского шекспиризма до сих пор нет достаточной ясности. В основном выявлены очевидные следы присутствия Шекспира в пушкинских текстах: прокомментированы высказывания Пушкина о творчестве английского драматурга, упоминания его имени и имен его героев, использование шекспировских сюжетов и характеров, отмечена роль, которую оба гения сыграли в развитии национальных литературных языков, создателями которых в Англии был Шекспир, в России — Пушкин. С другой стороны, шекспиризм в меньшей степени осмыслен как особый взгляд на мир и человека в нем, как доминанта картины мира.

Под *шекспиризмом* Пушкина и других отечественных писателей (прежде всего Ф. М. Достоевского) следует понимать художественно-эстетический комплекс идей, который характеризует шекспировское видение и понимание истории и современности, прошлого и будущего (собственно, это то, что Пушкин назвал «взглядом Шекспира»). Шекспиризм проявлялся в осознании художественных открытий английского драматурга, масштабности шекспировского изображения происходящего, в накале и титанизме страстей, в концепции человека и истории, в осмыслении роли случая в истории, в смешении стилей, совместимого и несовместимого, прозы и стиха и т. п.

О пушкинском увлечении великим английским драматургом начали писать современники русского поэта, для которых этот вопрос уже тогда представлял огромный интерес. Публикация рукописного наследия Пушкина позволила определить, в каком объеме поэт был знаком с Шекспиром и с критической литературой о нем. Уже в прижизненной критике Пушкина подчас сравнивали с Шекспиром, который был критерием эстетического совершенства и художественного мастерства. В дальнейшем изучением пушкинского шекспиризма занимались многие исследователи. Шекспиризм поэта был не просто следованием литературной моде. Из чисто литературной установки шекспиризм перерос в мировоззренческую идею Пушкина. Именно под влиянием Шекспира Пушкин вырабатывал зрелый взгляд на историю и народ.

---

²⁷ См.: Сакулин П. Н. Н. Карамзин о Шекспире, «шекспиризм» в «Борисе Годунове» и «Выстреле» // Русская литература. Социолого-синтетический обзор русских стилей. Ч. 2. М. : Гос. Акад. худож. наук, 1929; Алексеев М. П. Пушкин и Шекспир // Пушкин : Сравнительно-исторические исследования. Л. : Наука, 1972. С. 240–280; Вольперт Л. «Шекспиризм» Пушкина и Стендаля («Арап Петра Великого» и «Арманс») // Болдинские чтения. Горький, 1983. С. 56–66; Левин Ю. Д. Шекспир и русская литература XIX века. Л.: Наука, 1988; Захаров Н. В. Шекспир в творческой эволюции Пушкина. Jyväskylä: Jyväskylä University Printing House, 2003.

Пушкин считал Шекспира романтиком, понимая под «истинным романтизмом» прежде всего искусство, соответствующее «духу века» и связанное с народом. Пушкин стремился развить художественную систему Шекспира применительно к задачам своей эпохи. Главные черты шекспировской манеры он находил в объективности, жизненной правде характеров и «верном изображении времени». «По системе отца нашего Шекспира» Пушкин строил свою трагедию «Борис Годунов» (1825), чью объективность в изображении эпохи и характеров «смутного времени» он позаимствовал у Шекспира. Выдвинув на первый план проблемы власти и ее отношения к народу, Пушкин следовал Шекспиру. Использование открытий Шекспира в «Борисе Годунове» было в дальнейшем усвоено русской драматургией, особенно исторической, в частности писателями-любомудрами М. П. Погодиным («Марфа, посадница новгородская», 1830) и А. С. Хомяковым («Дмитрий Самозванец», 1833).

Впоследствии шекспировские уроки воплотились в переложении пьесы «Мера за меру» в поэму «Анджело» (1833). Именно это произведение сам поэт оценивал как вершину своего творческого развития: «Наши критики не обратили внимания на эту пьесу и думают, что это одно из слабых моих сочинений, тогда как ничего лучшего я не написал»²⁸. В «Анджело» шекспиризм Пушкина достиг наивысшей точки своего эволюционного развития.

Понятие *шекспиризм* позволяет объяснить ряд феноменов в русской литературе периода ее наивысшего расцвета. Оно проясняет и известный факт появления погромной статьи Л. Н. Толстого «О Шекспире»²⁹, в которой выразилось пренебрежительное отношение и, казалось бы, полное непонимание творчества английского драматурга со стороны гения русской литературы. Критике Толстого подверглась внешняя сторона шекспировского наследия — образы, сюжеты, поэтика шекспировских произведений, все то, что можно отнести к сфере шекспиризации как к процессу. Но, сам того не замечая, своим творчеством Толстой явил пример одного из высших воплощений русского шекспиризма, который отразился в масштабности мировидения, концепции истории, стратегии шекспировского художественного мышления — всего того, что необходимо отнести к шекспиризму как комплексу мировоззренческих идей. Такое понимание отвергает досужее мнение о том, что Толстой, со всей основательностью помногу и подолгу читавший Шек-

---

²⁸ Пушкин в воспоминаниях современников. Т. 1–2. СПб. : Академический проект. 1998. Т. 2. С. 233.

²⁹ Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. М., 1983. Т. 15. С. 258–314.

спира, в силу каких-то непостижимых причин так и не смог воспринять его уроков.

Таким образом, усвоение русской литературой XIX века художественных открытий Шекспира проявилось в двух основных тенденциях — *шекспиризации* и *шекспиризме*: для большинства русских писателей *шекспиризация* выразилась в подражании образцам, освоении тем, образов, мотивов, сюжетов — одним словом, поэтики гениального британца; для Пушкина, Достоевского и нескольких других русских писателей, драматургов, поэтов увлечение Шекспиром выразилось в конгениальном развитии шекспировской традиции. Именно идея *шекспиризма* придала особое значение русской литературе в общем процессе освоения художественных открытий Шекспира мировой культурой XVIII–XIX веков. Русский шекспиризм стал самобытным явлением, характеризующим освоение творческого наследия Шекспира иной национальной традицией.

Это позволяет говорить о таком феномене диалога культур, как «Русский Шекспир», включающем целый комплекс явлений в процессе освоения творчества Шекспира русской культурой: совокупность переводов Шекспира на русский язык, своеобразного национального взгляда на жизнь и творчество драматурга, творческой интерпретации его наследия в литературе, музыке, изобразительном искусстве, театре и кино России.

В XXI веке русская литература продолжает осваивать шекспировские мотивы и образы, о чем свидетельствует, например, объем шекспировских реминисценций в работах, представленных на конкурс литературной премии им. И. А. Бунина в 2007 г. И по сей день, Шекспир остается самым востребованным иностранным драматургом на русской сцене. Пьесы Шекспира ставятся на театральных подмостках России с завидной регулярностью. Многочисленные факты активного присутствия Шекспира в русской культуре позволили знатоку и любителю его творчества послу Великобритании в России сэру Энтони Brentону говорить о России как о шекспировской стране³⁰.

Хотя издавна термин «шекспиризм» применялся и к зарубежной литературе³¹, наблюдения над шекспиризацией и шекспиризмом показывают, что шекспиризация стала преимущественным путем освоения шекспировского наследия западным культурным тезаурусом³², тогда как

---

³⁰ Brenton Э. Шекспир — русский // Вопросы литературы. 2007. №4.

³¹ См., напр.: Белецкий А. И. Из история шекспиризма. Теофиль Готье о комедиях Шекспира. Харьков, 1916.

³² О тезаурусах см.: Луков Вал. А., Луков Вл. А. Тезаурусы: Субъектная организа-

шекспиризм оказался магистральным путем творческой трансформации культа Шекспира в русском культурном тезаурусе.

Б. Н. Гайдин

ГАМЛЕТ КАК ГУМАНИТАРНАЯ КОНСТАНТА ХРИСТИАНСКОГО ТЕЗАУРУСА

При всей кажущейся традиционности христианской интерпретации загадки «Гамлета» с позиции заложенной русской религиозной философской школы, ее научная актуальность до сих пор остается неисчерпанной. Ее литературоведческая острота особенно очевидна в свете односторонности многочисленных интерпретаций западных авторов, которые вслед за Ницше, вот уже больше века пытаются доказать, что «Бог мертв!». И все равно, христианский тезаурус великой пьесы каждый раз поражает воображение своей многогранной неисчерпаемостью.

Русская философская школа может стать почвой для новой научной трактовки проблемы христианский тезауруса «Гамлета», ибо является оригинальным и самобытным философским течением. Русская философия развивалась иначе, чем в Европе. В. Аксючиц предположил, что «европейская литература родилась из теологической и философской традиции в процессе секуляризации христианской средневековой культуры. Русская литература, напротив, предварила и зародила оригинальную русскую философию, придав ей художественную интуицию и религиозный пафос»³³. Известный философ И. А. Ильин замечал: «Русский мыслитель поднимается до истинных высот как мыслитель, созерцающий сердцем»³⁴. В своих поисках и размышлениях русские мыслители «обратились к традиции святоотеческого богословия»³⁵. М. Ф. Достоевский по этому поводу писал: «У нас есть великая школа богословия, это наша обедня, открытая для всех»³⁶.

ция гуманитарного знания. М.: Изд-во Национального института бизнеса, 2008.

³³ Аксючиц В. Становление русской философии: Идеи и концепции // Интернет-журнал Сретенского монастыря. 2003.

< <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/030915103201> >

³⁴ Цит. по: Аксючиц В. Указ. соч.

³⁵ Там же.

³⁶ Цит. по: Аксючиц В. Указ. соч.

Следуя примеру русской философской религиозной школы и последних исследований, которые появились в ходе христианского ренессанса в нашей стране, рассмотрим «гамлетовские вопросы» с точки зрения христианской морали и христианском представлении о праве на суд, понятии о добре и зле. При этом медлительность и нерешительность Гамлета можно объяснить его отношением к Богу и божественному праву судить себе подобных. Для Гамлета переход от размышлений к действию — это воистину духовный опыт. Не случайно, Гамлет так нерешителен в своих действиях, ведь в образе Призрака он видит призывающего к отмщению дьявола-искусителя, а не потустороннюю связь с отцом. Конечно, были попытки интерпретировать внутренние противоречия Гамлета с точки зрения тех исторических реалий и понятий о юридическом праве, которые существовали в шекспировской Англии.

Так, например, В. Захаров в статье «Об историческом фоне английской «трагедии мести» на рубеже 16–17 вв.» рассматривает всю цепь эволюции мотивов кровной мести и их обоснованности в английской литературе того времени. Несмотря на всю убедительность исторического подхода в решении проблемы Гамлета, он оказывается неспособным интерпретировать многие сцены, когда принц Датский руководствуется чем-то большим, чем историческая практика и обычаи в установлении справедливости. Одним историческим знанием нельзя ответить на вопрос, почему Гамлет не решается убить Клавдия во время покаянной молитвы братоубийцы. На наш взгляд, для Гамлета убийство Клавдия в этот момент было бы не мезтью, а даром. Ведь с позиций христианского мировоззрения Гамлета, это было бы не отмщением, а прощением, так как Клавдий попал бы в Рай, а не туда, куда заслуживал.

А. Ванновский в своей статье «Новые данные о влиянии Шекспира на Пушкина» приводит слова Л. Н. Толстого, который сурово критиковал Шекспира за его «Гамлета»: «Нет никакой возможности найти какого-либо объяснения поступкам и речам Гамлета и потому никакой возможности приписать ему какой бы то ни было характер»³⁷. Критик с ним соглашается, так как «всякий человек, переживающий глубокою душевную борьбу, находящийся в процессе развития, движения, не имеет и не может иметь характера в обычном смысле слова»³⁸. Ванновский считает бесполезным подходить к Гамлету с обычными способами кри-

---

³⁷ Толстой Л. Н. О Шекспире и о драме. Статьи об искусстве и литературе // Толстой Л. Н. Собр. соч.: В 22 т. М., 1983. Т. 15. С. 290.

³⁸ Ванновский А. Новые данные о влиянии Шекспира на Пушкина // Пушкинист. Вып. 1, М., 1989. С. 383.

тики характеров³⁹. Каким образом трактовать монологи принца? Проявление ли это слабости или же новая веха в развитии долга кровной мести? Ученый предлагает понимать месть Гамлета так, что в ее основе «стоит исключительный интерес мстителя к судьбам души своего врага»⁴⁰. Гамлет находится в раздумьях: когда совершить убийство, чтобы справедливость наконец восторжествовала?

Then trip him, that his heels may kick at heaven, And that his soul may be as damned and black As hell, whereto it goes. (3,3, 93–95)	Тогда подбрось его ногами вверх, Чтоб кубарем, весь черный от пороков, Упал он в ад ⁴¹ .
---	---

Ему не хватает уверенности, что он достойно отомстит за горячо любимого отца. Любая ошибка, например, преувеличение грехов врага, может привести к тому, что его душа отправится в Рай. Но, с другой стороны, «чтобы также безошибочно судить души человеческие, как их будет судить Небесный Судья, надо самому стать таким же совершенным»⁴².

Его стремление расквитаться за отца приводит, по мнению Ванновского, «к полному преобразованию самой природы мести. Вся энергия мстителя уходит не на внешнюю борьбу с врагом, а на самотворчество нового лица, на решение глубочайших этических и религиозно-

---

³⁹ Существует еще одна работа А. Ванновского, а именно: Vannovsky A. The path of Jesus from Judaism to Christianity as concerned by Shakespeare. Tokyo. 1962. В ней автор выдвинул оригинальную идею о том, что Шекспир под датской легендой о мести завуалировал древнееврейский сюжет на религиозную тему, так как в то время это сочли бы за богохульство. Ванновский предположил, что в образе Призрака Шекспир подразумевал Мессию в еврейском понимании этого слова. Т. е. требующего отомстить и восстановить царство Израиля. Путем сравнения «Книги Еноха» с «Гамлетом» ученый пришел к выводу, что драматург изобразил постепенный переход Гамлета—Иисуса от иудаизма к христианству. На основании того факта, что в то время «Книга Еноха» была предана забвению и была обнаружена лишь в 1773 г. в Абиссинии, Ванновский в т. н. «шекспировском вопросе» встает на сторону тех, кто считает, что под именем «Шекспир» издавал свои пьесы Кристофер Марло, который инсценировал свою смерть и уехал из Англии в Италию. А там он мог познакомиться с этим апокрифом в Ватикане, а мог добраться и до самой Абиссинии.

⁴⁰ Ванновский А. Указ. соч. С. 387.

⁴¹ Здесь и далее английский вариант дается по изданию: Shakespeare W. The Tragedy of Hamlet Prince of Denmark / Edited by Edward Hubler. N.Y.; L., 1963. В русском варианте дается перевод Б. Л. Пастернака по изданию: Шекспир У. Гамлет. Избранные переводы: Сборник / Сост. А. Н. Горбунов. М., 1985.

⁴² Ванновский А. Указ. соч. С. 388.

философских проблем, связанных с задачей мести за душу»⁴³. Гамлет пытается найти в душе Клавдия хотя бы частичку добра, чтобы быть абсолютно уверенным в полной ее греховности. Но принц настолько поражается природой души человека, что у него «складывается настроение помочь тому семени добра, которое живет в душе самого страшного преступника, вырасти в могучее дерево; иначе говоря, спасти его душу»⁴⁴.

Самой сложной преградой на пути этого стремления является закон мести, Ветхозаветное «око за око, зуб за зуб». Ванновский в своих умозаключениях приходит к выводу, что, общаясь с Призраком, Гамлет начинает понимать, что ад находится в нас самих и не надо предавать Клавдия смерти, «а достаточно только пробудить в нем дремлющую совесть, как ад создается в душе преступника»⁴⁵. С.Булгаков в своем труде «Свет невечерний. Созерцания и умозрения» писал: «В совести своей необманной и нелицеприятной, столь загадочно свободной от естественного человеческого себялюбия человек ощущает, что некто совесть совершает вместе с ним его дела, творит суд свой, всегда его видит»⁴⁶. Гамлет постепенно открывает для себя то, что можно было назвать новым способом мести, при котором не нужно ждать того часа, когда душа Клавдия окончательно погрязнет в лоне греха. Таким образом, он исполняет и свой сыновний долг перед отцом, и выступает спасителем души злодея, борется со злом в этом мире. Более того, «в этой диалектике мести, в этом превращении героя из мстителя за кровь в мстителя за душу, и из мстителя за душу в спасителя душ и заключается тайный закон эволюции человеческого духа, затерявшийся со времени Христа и вновь открытый Шекспиром»⁴⁷. Таким образом, Гамлет переживает момент переоценки ценностей, история которых насчитывает не одно тысячелетие.

Гамлет, двигаясь от ветхозаветного «око за око, зуб за зуб», достигает новой вершины человеческого сознания — Евангельской заповеди, провозглашающей любовь к врагам. А «делание заповедей», по выражению С. Булгакова, «становится путем к Богу, а вместе с тем и возможностью религиозного преткновения для человека»⁴⁸.

---

⁴³ Там же. С. 388.

⁴⁴ Там же. С. 388.

⁴⁵ Там же. С. 389.

⁴⁶ Булгаков С. Н. Первообраз и образ: Сочинения: в 2 т.Т.1: Свет невечерний: Созерцания и умозрения, М.; СПб., 1999. С. 61.

⁴⁷ Ванновский А. Указ. соч. С. 389.

⁴⁸ Булгаков С. Н. Указ. соч. С. 61.

Ванновский предполагает, что в том и заключается разница между Гамлетом и Лаэртом. Их дуэль может служить символом противостояния между ветхозаветным и новым Адамом. Критик замечает, что Пушкин использовал подобную диалектику мести в «Выстреле», в котором Сильвио прощает своего обидчика. «Оплата добром за зло представляет собой наиболее сильный и в то же время наиболее тонкий вид мести»⁴⁹. Недаром Гамлет просит извинения, еще не начав боя:

Sir, in this audience,
 Let my disclaiming from a purposed
 evil
 Free me so far in your most generous
 thoughts
 That I have shot my arrow o'er the
 house
 And hurt my brother. (5, 2, 240-244)

Прошу во всеуслышанье при
 всех
 Сложить с меня упрек в пре-
 думышленье.
 Пусть знают все: я не желал
 вам зла.
 Ошибкой я пустил стрелу над
 домом
 И ранил брата.

Но Лаэрт непреклонен, он жаждет крови человека, который один, как ему сказали, виноват в смерти его отца и гибели сестры. Честь и гордыня для него превыше всего. Только будучи смертельно ранен, он просит прощения у благородного принца, осознав свое заблуждение:

Exchange forgiveness with me, noble Ham-
 let.
 Mine and my father's death come not upon
 thee,
 Nor thine on me! (5,2, 330-333)

Ну, честный Гамлет, а те-
 перь давай
 Прощу тебе я кровь свою с
 отцовой,
 Ты ж мне — свою!

И умирающий Гамлет отвечает ему:

Heaven make thee free of it! I follow
 thee.
 I am dead, Horatio. Wretched Queen,
 adieu! (5, 2, 334-335)

Прости тебя Господь.
 Я тоже вслед. Все кончено, Го-
 раций.
 Простимся, королева! Бог с то-
 бой!

⁴⁹ Ванновский А. Указ. соч. С. 396.

Возникают, конечно, несколько вопросов. Например, мог ли Гамлет быть уверен, что король способен на духовное и нравственное перерождение? Можно предположить, что где-то в глубине души принц лелеял надежду, что двор Эльсинора и его грешный родственник, как и все люди, могут измениться к лучшему. Внимательный читатель без труда может обнаружить, что монологи короля, в которых он зачастую раскаивается за свои поступки, являются своеобразным ключом для раскрытия внутреннего мира злодея:

O, my offense is rank, it smells to heaven;
It hath the primal eldest curse upon't,
A brother's murder. Pray can I not,
Though inclination be as sharp as will.
(3,3, 36-39)

Удушлив смрад злодейства
моего.
На мне печать древнейшего
проклятья:
Убийство брата. Жаждою го-
рю,
Всем сердцем рвусь, но не мо-
гу молиться.

Здесь, как многие считают, король вспоминает печать Каина, убившего своего брата Авеля. Большинство шекспироведов указывают на то, что Клавдий имеет склонность к самоанализу, что может означать, что драматург рисовал нам человека, совесть которого все же не мертва, а только дремлет. Так, например, в одной из шекспировских энциклопедий король охарактеризован как человек, хотя и способный на бесчеловечные и коварные действия, но кающийся наедине с самим собой⁵⁰. Елена Черняева замечала, что «Клавдий не менее склонен к философии, чем Гамлет»⁵¹. Э. С. Брэдли считал, что Клавдия нельзя назвать плохим монархом. Ведь он заботится о процветании своего государства, о ее обороноспособности. Нельзя назвать и его и трусом, если вспомнить то, с каким хладнокровием он встречает Лаэрта, поднявшего за собой толпу. Король, по мнению Брэдли, сангвиник, который надеется на

---

⁵⁰ A Shakespeare Encyclopaedia / O. J. Campbell. London. 1966. P. 119: «While capable of ruthlessly pursuing his goals, he is at the same time privately remorseful. <...> The result is a character who is less theatrically effective than Shakespeare's other villains but, to many critics, more interesting».

⁵¹ Черняева Е. Уильям Шекспир: Загадка «Фабульной загадки» «Гамлета». 1995–2002. <<http://w-shakespeare.narod.ru/hamlet-m.html>>

счастье в будущем⁵². И ради этого счастья он готов вести закулисную игру, в которой он не новичок.

Вообще критик замечает, что сам по себе тон «Гамлета» можно назвать «религиозным». В этом пьеса во многом схожа с «Макбетом». И Макбет, и Клавдий чувствуют отчаяние, так как осознают, что погрязли в лоне греха⁵³. Идея, как нам кажется, сама по себе верна, хотя насчет того, что они пропали «навечно» можно и поспорить. Зачем же тогда король молился, если бы не надеялся на божественное прощение? Ведь рано или поздно каждый из нас задается вопросом о смысле жизни и о том, что будет после нее. Также и герои Шекспира любят и ненавидят, переживая различные искушения, подстерегающие их на каждом шагу, совершают смертные грехи, а затем умирают. И могло ли быть по-другому у великого барда? Ведь по существу кто знает, стал ли «Гамлет» одним из самых известных шедевров мировой литературы, если бы принц (не говоря о Клавдии, Полонии или Гертруде) остался бы в живых и занял бы трон своих предков? Ведь вряд ли Шекспир мог предполагать, что его произведение когда-то будут читать и смотреть на разных языках люди множества религий, конфессий, взглядов на мироустройство. Возможно, но достаточно сложно себе представить. Шекспир, безусловно, будучи христианином, творил для людей, подобных ему, если не по уровню образования, то по духовному воспитанию. (Он и не мог себе представить, что через пару-тройку столетий какой-нибудь атеист найдет и для себя что-то в качестве духовной пищи в его пьесах и сонетах.) Мы не будем здесь пытаться разграничить различные христианские конфессии, так как считаем это не столь принципиально важным как в данной работе, так и вообще⁵⁴. Так или иначе, с точки зрения

---

⁵² Bradley A. C. *Shakespearean Tragedy*. L., 1991. P. 163: «He has a sanguine disposition. When first we see him, all has fallen out to his wishes, and he confidently looks forward to a happy life».

⁵³ Ibid. P. 165; «The horror in Macbeth's soul is more than once represented as desperation at the thought that he is eternally 'lost'; the same idea appears in the attempt of Claudius at repentance...»

⁵⁴ Мы возьмем на себя смелость предположить, что не было это важно и для самого Шекспира на том основании, что замечено, что Призрак отца Гамлета приходит к нему из Чистилища, в котором души усопших находятся на распутье между Адом и Раем. Известно, что протестанты, последователи англиканской церкви отвергают саму идею Чистилища, которая есть в католицизме. См., напр.: Greenblatt S. «Remember Me.» *Hamlet in Purgatory*. By Greenblatt. Princeton: Princeton UP, 2001. P. 256–257: «“The Protestant attack on ‘the middle state of souls’ . . . did not destroy the longings and fears that Catholic doctrine had focused and exploited”; instead, “the space of Purgatory becomes the space of the stage where old Hamlet's Ghost is doomed for a certain term to walk the night”» Но драматург пренебрег этой условностью, достигнув поразительного эффекта. См., например, Wilson J. D. *Op. cit.* P. 84: «It paid him dra-

христианского мировоззрения, «падший человек должен умереть, ибо он не может не умереть, но он должен и воскреснуть во Христе»⁵⁵...

Почему же Гамлет, в конце концов, убивает Клавдия? Мы склонны полагать, что Шекспир мог вложить в подобную развязку мысль, которую можно выразить, пользуясь словами С. Булгакова о Христе: «Ему надо было приобщиться Ветхого Адама, пройти путь земной жизни и разделить ее тяготы и последнюю судьбу»⁵⁶.

Несмотря на то, что параллель Гамлет-Христос может на первый взгляд показаться не совсем убедительной, (вопрос: «мог ли Христос убить?» отпадает сам собой), с другой стороны, вполне можно предположить, на наш взгляд, что Шекспир попытался изобразить тернистый путь духовного перерождения молодого человека. Ведь лишь «приняв в себе всего Адама, сделавшись поистине человеком, приняв все искушения и сам, будучи искушен всем, мог Христос сделаться Новым Адамом»⁵⁷.

Таким образом, Гамлета можно было назвать несостоявшимся Христом, но, как нам кажется, одна его попытка достигнуть высшего идеала человеколюбия многого стоит. Пусть принц не святой, но всей своей сущностью он стремится избежать грехопадения и лишь во внезапных припадках ярости низвергается в грех, чтобы потом предстать перед судом Божиим. В. Комарова писала о последней кровавой сцене драмы: «В финале трагедии Гамлет совершает месть, но делает это импульсивно в свой предсмертный час, когда Клавдий изобличен в новых злодеяниях»⁵⁸. Как и каждый из нас, принц грешен, но не теряет надежды на исцеление, без которой мало кто из здравомыслящих людей может существовать. Так Д. Доллимор, вспоминая слова Св. Августина, замечал, что «душа человека после грехопадения, «упоенная греховной свободой» (О Граде Божиим, 13, 13-14), побуждает человека нарушать Божий закон. А ведь этому закону человек не просто должен подчиняться — он «написан в сердцах людей». (Исповедь)»⁵⁹.

---

matically to let all three schools of thought have their views considered. And the audience, of whatever school, would be swayed hither or thither in their opinion, as Hamlet himself was swayed, by the events of the ghost scenes».

⁵⁵ Булгаков С. Н. Указ. соч. С. 299.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Там же. С. 299.

⁵⁸ Комарова В. Финальные сцены в хрониках и трагедиях Шекспира // Шекспировские чтения 1990. М., 1990. С. 62.

⁵⁹ Доллимор Д. Политико-культурное исследование Шекспира: случаи смещения и перверсии // Шекспировские чтения 1993. М., 1993. С. 34.

Хорошим примером того, как подобным образом интерпретировался образ Гамлета на русской сцене, может служить игра актера П. Н. Орленева. По его предположению, книгой, которую читал принц, было Евангелие. Всю трагедию, по его мнению, можно назвать восхождением Гамлета на Голгофу, а знаменитые слова принца — *The time is out of joint. O cursed spite, / That ever I was born to set it right!* (1, 5, 188-189) — в устах актера звучали так: «Распалась связь времен, о преступленья мировое, зачем, зачем меня на крест ты посылаешь»⁶⁰?

Иногда в критике, посвященной «Гамлету», можно встретить мнение, что главный герой не чем не лучше всех остальных, т.н. «злодеев». Так Е. Черняева в статье «Уильям Шекспир: Загадка «Фабульной Загадки» «Гамлета»» считает, что принца вполне можно сопоставить с Клавдием по его этическим и моральным качествам как личности. По ее мнению, читатели и зрители симпатизируют Гамлету лишь потому, что именно ему приходится принимать удары своего врага, когда как он медлит, так как пытается выяснить, кто из придворных изображает из себя тень его отца⁶¹. На самом деле, «Гамлет и Клавдий родственники не только по крови, но и по духу. Они оказались по разные стороны баррикад не по «идейным» убеждениям, а в результате борьбы за власть, борьбы за существование»⁶². Ведь и Клавдий, считает она, не слишком торопится избавиться от злосчастного племянника. Чем же он хуже? Мы позволим себе возразить и вот на каком основании.

Во-первых, версия, что принц уж очень стремится заполучить титул короля Дании, кажется нам не совсем убедительной, так как в тексте пьесы мы не обнаружили какого-либо упоминания, что сын Гертруды убежден, что он и только он вправе сидеть на престоле государства. Напротив, можно предположить, что наоборот перспектива надеть на голову тяжелую корону герою видится не в слишком радужном свете. Так считает, например, Евсей Лукич, который так представил себе внутренний монолог Гамлета: «Но уж наверняка знаю, что, взойдя на трон, сам окажусь в аду, ибо жизнь такая для меня невыносима. Зачем же обре-

---

⁶⁰ Жизнь и творчество русского актера Павла Орленева, описанные им самим. М.; Л.1931. С. 363. Цит. по: Горбунов А. Н. К истории русского «Гамлета» // Шекспир У. Гамлет. Избранные переводы: Сб. М.: Радуга, 1985. С. 19.

⁶¹ Интересно предположение Е. Черняевой: сначала Гамлет думает, что это козни Полония. Но после того, как принц убивает последнего в комнате своей матери и вновь встречает Призрака, он слишком долго ищет другую версию и теряет инициативу, которая переходит к королю.

⁶² Черняева Е. Указ. соч.

каться себя заведомо на ад»⁶³? Всем известна вставная пьеса «Убийство Гонзаго», которую Гамлет просит поставить приезжих актеров. Нетрудно заметить, с каким удовольствием принц дает им указания на репетиции:

Be not too tame neither, but let your own discretion be your tutor. Suit the action to the word, the word to the action, with this special observance, that you o'erstep not the modesty of nature. (3, 2, 16–19)

Однако и без лишней скованности, но во всем слушайте внутреннего голоса. Двигайтесь в согласии с диалогом, говорите, следуя движениям, стой только оговоркой, чтобы это не выходило из границ естественности.

Гамлета без всяких натяжек можно назвать талантливым режиссером-постановщиком. Не случайно И. С. Тургенев одной из положительных черт принца называл именно это качество: «Он превосходный критик; советы его актерам поразительно верны и умны; чувство изящного почти так же сильно в нем, как чувство долга в Дон-Кихоте»⁶⁴. Гамлет скорее человек искусства, который живет, чтобы творить, нежели для того, чтобы бороться за власть. Недаром он добавляет двенадцать-шестнадцать строк к тексту «Убийства Гонзаго»:

We'll ha't tomorrow night. You could for a need study a speech of some dozen or sixteen lines which I would set down and insert in't, could you not? (2, 2, 550–553)

Поставь это завтра вечером. Скажи, можно будет, в случае надобности, заучить кусок строк в двенадцать-шестнадцать, который я напишу и вставлю?

Может быть, именно потому, что Англия виделась ему страной творчества, он так спокойно соглашается туда отправиться, видя там ангела знания — херувима:

⁶³ Сорока О. Загадки Шекспира. (Вечера с Евсеем Лукичем) // Шекспир У. Комедии и трагедии. М., 2001. С. 816.

⁶⁴ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. Т. 5. М., 1980. С. 344.

Hamlet. For England?
King. Ay, Hamlet.
Hamlet. Good.
King. So is it, if thou knew'st our purposes.
Hamlet. I see a cherub that sees them.
But come, for England! Farewell, dear Mother. (4, 3, 47–49)

Гамлет Мы в Англию?
Король Да, в Англию.
Гамлет Прекрасно.
Король Так ты б сказал, знай наши мысли ты.
Гамлет Я вижу херувима, видящего их. —Ну что ж, едем в Англию! — Прощайте, дорогая матушка.

Таким образом, можно найти еще одно объяснение медлительности несчастного героя Шекспира: он не торопится убить Клавдия, так как не слишком хочет занять престол, наследником коего является. Более того, «воля принца устремлена без остатка на творчество, на постижение мудрости и Гамлет разумом знает и нутром чувствует, что, взойдя на трон, убил бы в себе творца и мыслителя»⁶⁵.

Во-вторых, возвращаясь к мнению Е. Черняевой, нам кажется, что, так или иначе, но святая справедливость на стороне принца. Можно ли обвинять Гамлета, что «без зазрения совести он подставляет вместо себя под удар своих «друзей» Гильденстерна и Розенкранца»? Безусловно, Гамлет совершает грех, но Провидение дало ему шанс избежать неминуемой гибели в Англии и он вынужден защищаться от холоуев Клавдия. Да, Гамлет не способен, как Христос, подставить вторую щеку, но он не делает людям зла первым и изо всех сил старается избежать греха.

Христианская интерпретация «Гамлета», безусловно, имеет право на существование, хотя, как и всякая другая, не может претендовать на роль единственно верной. Даже не вдаваясь в содержание пьесы, а взглянув на нее только с текстологической точки зрения, можно заметить то влияние, которое оказало на Шекспира Священное Писание. Практически все произведения эйвонского барда, так или иначе, включают в себя многочисленные библейские аллюзии и параллели.

Библия — Книга книг — самое популярное издание в мире. Можно предположить, что Шекспировский «Гамлет» занимает второе место после нее в этом списке наряду с «Дон-Кихотом» Сервантеса. Тема «Шекспир и Библия» является в шекспироведении не новой, однако до сих пор далеко не до конца изученной. Дело в том, что и в данном вопросе творчество драматурга явилось камнем преткновения, почвой для

⁶⁵ Сорока О. Указ. соч. С. 823–824.

многочисленных споров и дебатов. Авторы расходятся во мнении о степени воздействия на него именно Библии. Очевидно, что «влияние библейских тем на мировоззрение Шекспира чаще всего определяются их позицией в религиозных вопросах»⁶⁶. Таким образом, есть работы, пытающиеся обосновать мнение, что в своем творчестве поэт выражал лишь религиозное мировосприятие. В. П. Комарова приводит в пример Питера Милварда, который пришел к выводу, что «в трагедиях Шекспир представил картину вечной, неустранимой «греховности» человека, дал проповедь покорности и терпения»⁶⁷... Это отчасти верно, однако следует более осторожно подходить к этой проблеме, так как очевидно, что обращение к тексту Священного Писания непосредственно не было некоей необходимостью для авторов, которые могли пользоваться другими церковными источниками.

Что касается «Гамлета», то существуют мнения, что Шекспир выразил в нем идеи Екклесиаста. Однако указываемые параллели «не воспринимаются как библейские, поскольку уже стали общими местами»⁶⁸. Например, гамлетовское выражение «квинтэссенция праха» одно из таких, ставшее широко распространенным в сознании людей. Оно перекликается со словами пророка: «...все из праха и все обратится в прах». (Ессл. 3:2) Мы не будем приводить все остальные подобные примеры. Заметим только, что зачастую обращение к тексту Библии может помочь в более глубоком прочтении Шекспира.

Выявлена также особая символика чисел, которая «имеет структурное и смысловое значение, восходящее к христианской символике, весьма значимой для Шекспира»⁶⁹. Например, число 3 — символ Троицы: Отца, Сына, и Святого духа. В «Гамлете» своеобразной Троицей можно назвать Гамлета-отца, принца Датского и Призрака. Как и у Иисуса Христа у Гамлета «два отца: «земной» — старший Гамлет, «иномирный» — Призрак»⁷⁰.

Таким образом, христианская интерпретация проблемы Гамлета может служить ярким примером того факта, что данная тема может быть рассмотрена практически с любой морально-этической позиции, согласно тому или иному миропониманию.

Однако хотелось бы заметить, что рассмотрение трагедии Шекспира именно с позиции христианской религии было выбрано нами да-

---

⁶⁶ Комарова В. П. Шекспир и Библия. СПб., 1998. С. 3.

⁶⁷ Там же. С. 64.

⁶⁸ Там же. С. 65.

⁶⁹ Пимонов В., Славутин Е. Загадка Гамлета, М., 2001. С. 119.

⁷⁰ Там же. С. 120.

леко неслучайно. Дело в том, что в настоящее время человечество переживает кризис цивилизации, «которая, опираясь на рационально-прагматическую идею прогресса, подобно слепцам с картины Брейгеля, шла к пропасти, не ведая, куда идет, или была уверена, что идет в нужном направлении»⁷¹. И Россия, к сожалению, не исключение. Исторически являясь главным образом христианской страной, она с трудом переживает тот удар, который был нанесен ей тотальной секуляризацией и привитым сверху атеизмом в прошлом веке. С. Н. Булгаков писал по этому поводу: «Кризис этот связан с русской революцией и падением русского православного царства, и его можно уподобить по значению лишь падению Византии и взятию Константинополя турками»⁷²... В силу сложившихся исторических реалий чуть ли не подавляющее большинство населения утратили связь с христианской церковью, а следовательно и с ее ценностной системой. Более того, «образовался широкий антихристианский фронт, пытающийся создать нехристианскую и противохристианскую культуру»⁷³. Таким образом, русская культура «ушла в безрелигиозную, безбожную пустоту»⁷⁴. Как нам кажется, трудно надеяться на то, что каким-то политическим или религиозным силам когда-нибудь удастся создать какую-то иную систему ценностных координат. И здесь мы разделяем точку зрения И. А. Ильина о том, что любой народ, на протяжении многих веков будучи христианским, а затем отошедший от веры и не нашедший какой-либо равноценной ее замены, просто обречен на провал в построении и сохранении своей культуры, а значит, рано или поздно обречен на исчезновение с лица планеты.

---

⁷¹ Пивоев В. М. Культурология. Введение в историю и философию культуры. Ч. 1, Петрозаводск, 1997. С. 3.

⁷² Булгаков С. Н. Православие. М., 2003. С. 361.

⁷³ Ильин И. А. Одинокий художник. М., 1993. С. 292.

⁷⁴ Там же. С. 293.

СПРАВЕДЛИВОСТЬ
КАК ГУМАНИТАРНАЯ КОНСТАНТА:
философия справедливости в России
(конец XX — начало XXI в.)

Дискуссия о ценностях, среди которых ключевое место принадлежит *справедливости*, является важной составляющей общественных дискуссий в демократическом правовом государстве. Благодаря обсуждениям такого рода становится возможным подготовить нормативный фундамент для примирения интересов конфликтующих групп и должного уравнивания конкурирующих притязаний. С другой стороны, подобная дискуссия может рассматриваться как самостоятельный *политико-культурный феномен*, чья ценность не исчерпывается его полезностью для решения практически-политических вопросов. И в том, и в другом смысле дебаты о справедливости в политике являются объектом внимательного изучения в политологии (политической философии) и смежных дисциплинах, прежде всего, в социальной философии и этике.

* * *

Общепризнанно, что современная философская дискуссия о справедливости — результат развития западной мысли последней трети XX столетия. Поэтому не удивительно, что именно западные нормативные проекты⁷⁵ чаще всего становятся объектом научных исследований. Однако ситуация, сложившаяся в отечественной науке (и обозначившиеся в ней приоритеты), вызывает определенное несогласие, когда речь заходит о России. Похоже, наши политологи обращаются к анализу российской ситуации в ее политико-идеологическом аспекте чаще для того, чтобы в очередной раз заявить об отсутствии национального дискурса справедливости в России и вновь напомнить о его необходимости.

---

⁷⁵ Прежде всего, концепции либеральных авторов (Роулз, Нозик, Дворкин и др.). См.: Алексеева Т. А. Справедливость как политическая концепция: очерк современных западных дискуссий. М.: МОНФ, 2001; Кашников Б. Н. Либеральная теория справедливости и политическая практика России. Великий Новгород: НовГУ, 2004.

Особенности такого подхода демонстрируют работы Б. Н. Кашникова⁷⁶ и В. С. Мартьянова⁷⁷.

С выводами указанных исследователей⁷⁸ можно согласиться, но лишь отчасти. Действительно, в России в силу ряда причин до сих пор не возникла полноценная дискуссия об основаниях общественного устройства. Но с другой стороны, становится очевидным, что обсуждение проблемы справедливости и у нас постепенно приобретает характер реального общественного процесса. В противоположность тезису В. С. Мартьянова⁷⁹ отметим также, что данная дискуссия разворачивается (и, по-видимому, так будет происходить в обозримой перспективе) как раз в идеологических рамках *проекта модерна*, разделяясь на традиционные для него либеральный, консервативный, социалистический и националистический дискурсы в их разнообразных вариантах. Определенное исключение здесь составляет коммунитаристский проект.

Консервативный проект: Русская доктрина

Формирование правых идеологий (консерватизма и национализма) в России в их нынешних вариантах (подобно тому, как это нередко случалось в истории России) явилось политическим «ответом» на реформаторскую активность периода 1990-х гг. Этот период современной российской истории обстоятельно изучен в литературе, поэтому нет смысла подробно останавливаться на нем⁸⁰. Напомним лишь, что попытка использовать в качестве идеологического базиса проводимых реформ концепцию экономического либерализма, развиваемую на Западе

---

⁷⁶ Кашников Б. Н. Исторический дискурс российской справедливости // Вопросы философии. 2004. №2. (См. также: Кашников Б. Н. Либеральная теория справедливости и политическая практика России. Великий Новгород: НовГУ, 2004. С. 231–256.)

⁷⁷ Мартьянов В. С. Об условиях возникновения теории справедливости в российской политике // Политические исследования. 2006. №4.

⁷⁸ «В России не существует ни подобного (западному. Г. К.) дискурса, ни подобной теории. Отдельные работы, которые затрагивают тему политической справедливости в России, исходят из различных теоретических оснований и не создают поле дискуссии», — утверждает, к примеру, Б. Н. Кашников. См.: Кашников Б. Н. Исторический дискурс российской справедливости. С. 29.

⁷⁹ Утверждающему, что в духовно-политической сфере будущее принадлежит не традиционным модернистским идеологиям, но проектам, исходящим из неких принципиально новых этико-политических оснований.

⁸⁰ См. напр., работы научного коллектива сектора социальной философии Института философии РАН: Социальные знания и социальные изменения / Отв. ред. В. Г. Федотова. М.: ИФРАН, 2001; Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке / Отв. ред. В. Г. Федотова. М.: ИФРАН, 2002.

в трудах М. Фридмана и Ф. Хайека, закончилась неудачей. Потребностью сформулировать адекватную стратегию политического развития в условиях общества, стоящего в буквальном смысле перед угрозой распада, и объясняется попытка реанимации *правой идеи*.

Среди целого ряда проектов, которые по ряду признаков можно отнести к *консервативным*, наибольший интерес, на наш взгляд, представляет проект под характерным названием «Русская доктрина», разработанный коллективом российских философов и экспертов⁸¹. Его авторы, как следует из текста документа, поставили перед собой весьма амбициозную задачу: «констатировав нахождение России как общества и государства в глубочайшем кризисе, авторы в отличие от подавляющего большинства своих коллег простой констатацией не ограничились и попытались создать в более или менее цельном виде *проект возможного переустройства всех сфер жизни в России*» (курсив мой. — Г. К.)⁸².

Центральную идею «Русской доктрины» образует представление о так называемой «триаде государственного строительства», которая включает в себя три базовых элемента — демократию, автократию (монархию) и аристократию. Это не новая идея, она в достаточно развитом виде присутствует уже у античных авторов, в частности, Аристотеля. Идея «смешанного» правления конкретизируется в трех основных принципах *политического устройства*: 1. демократии; 2. компетенции общественных групп; 3. монархическом принципе единоначалия. Авторы «Русской доктрины» уделяют особое внимание демократии как форме правления, выступая, впрочем, с резкой критикой того понимания демократии, которое сложилось на сегодняшний момент в российской политике⁸³.

Принцип «компетентности общественных групп», в отличие от демократического принципа, обращенного непосредственно к «народной массе», оформляет аристократическое начало в государстве. Этот этаж государственного строительства, по замыслу авторов «Русской

---

⁸¹ Русская доктрина — труд коллектива авторов и экспертов, созданный по инициативе Фонда «Русский предприниматель» под эгидой Центра динамического консерватизма. Доктрина вышла под общей редакцией А. Б. Кобякова и В. В. Аверьянова. Информацию об авторах можно получить по адресу:

<http://www.rusdoctrina.ru/index.php?subject=3>

⁸² Русская доктрина (фрагмент) // <http://www.politklass.ru/cgi-bin/issue.pl?id=336>.
Полный текст размещен на сайте: <http://www.rusdoctrina.ru>

⁸³ Не оспаривая необходимости демократии как элемента политической системы, идеологи проекта высказываются за сугубо прагматический подход к этому политическому институту, призывая к отказу от его абсолютизации. В проекте воспроизводятся и характерные для консервативной традиции симпатии к плебисцитарной (в противоположность представительной) форме демократического участия.

доктрины», должен выстраиваться «при помощи ряда неизбираемых компетентных советов, охватывающих различные стороны национальной жизни»⁸⁴. И, наконец, принцип автократии. По мнению идеологов проекта, глава государства (президент или монарх) должен обладать всей полнотой государственной власти, соединяя в своих руках три ее ветви — законодательную, исполнительную и судебную. Подобная сверхконцентрация отвечает с одной стороны, положению главы государства как безусловного *национального лидера*, а с другой, многовековым традициям русской общественно-политической системы.

Каковы перспективы этого проекта? Представляется, что уровень политических амбиций авторов этого фундаментального труда (напомним, что речь идет не много ни мало о радикальном переустройстве всех сфер общественной жизни) не совпадает с *реальными возможностями осуществления любого коммуитаристского (не только консервативного) проекта в современной России*. Прежде всего потому, что Россия, по оценкам экспертов⁸⁵, представляет собой крайне индивидуализированное общество (даже по сравнению со странами Западной Европы) для которого характерно отсутствие общих ценностей и солидарности. Поэтому думается, что социальная онтология (а значит, вся базирующаяся на ней морально-политическая аксиоматика) консервативного проекта применительно к российской современности *страдает неадекватностью*⁸⁶.

Этнократический проект: Русское национальное государство

Одним из наиболее серьезных факторов, влияющих на положение дел в российской политике, явилась значительная актуализация национального вопроса. Несмотря на то, что тема социально-экономического расслоения по-прежнему остается на первом плане, проблема межнациональных отношений все больше начинает занимать умы российских граждан. Заметим: актуализация проблемы межнациональных и межэтнических отношений характерна сейчас не только для России, — это *ключевой вопрос* современной политики. Но российская специфика проявляется в

---

⁸⁴ Русская доктрина. Ч. III. Русское государство
// <http://www.rusdoctrina.ru/index.php?subject=4&t=59>

⁸⁵ См.: Бызов Л. Русское самосознание и социальные трансформации // Политический класс. 2007. Январь. №1 (25).

⁸⁶ В согласии с русской консервативной традицией, авторы проекта обращаются к идее этнополитического единства русского народа. В современных условиях такая позиция — не более чем попытка создать еще один миф (наряду с либеральным мифом о всемогуществе рынка).

том, что в нашей стране, в отличие от других стран, где требования справедливости чаще всего звучат из уст меньшинств, речь идет о поиске справедливости в отношении *этнокультурного большинства* (русских)⁸⁷. Это одна из причин того, почему в последние годы в российской политике произошла активизация националистических (и ультранационалистических) сил. Более того, русский национализм, будучи на начальном этапе своего развития маргинальным явлением, сейчас начинает приобретать все большую респектабельность. Результаты этой эволюции можно показать на примере политической и интеллектуальной активности одного из лидеров российских правых А. Н. Севастьянова. В ряде своих статей и книг А. Н. Севастьянов изложил основы того, что он понимает под современным русским национализмом. В статье «Национализм и этнополитика» указанный автор пишет: «Моя задача... перевести национализм с языка инстинкта на язык идей (курсив мой. — Г. К.), приблизить его таким образом к интеллигентной аудитории. ... Чтобы массами, уже подвластными инстинкту, овладела на сей раз идея. И чтобы эта идея — национализм — превратилась тем самым в материальную силу»⁸⁸.

Обращаясь к анализу внутривнутриполитической ситуации, А. Севастьянов указывает, что проблемы, с которыми столкнулась современная Россия, можно подразделить на два типа: социально-экономические и этнополитические. Если проблемы первого типа являются предметом повышенного внимания и активно обсуждаются, то проблемы второго рода либо не принимаются во внимание, либо замалчиваются. К числу последних лидер Национально-Державной Партии России относит, в частности, проблему признания России как мононационального государства и русского народа как государствообразующего, признание прав русского народа на национально-пропорциональное представительство, его право на историческое воссоединение и ряд других⁸⁹.

---

⁸⁷ Именно на конец 1990-х — начало 2000-х годов, по оценкам экспертов, приходится рост национального самосознания русских в России (которое до сих пор было выражено значительно слабее по сравнению с другими народами, населяющими Россию). См.: Паин Э. А. Вызовы времени и инерция традиций: сдвинется ли Россия с «особого пути»? // Независимая газета. 28 февраля 2008 г. С. 14.

⁸⁸ См.: Севастьянов А. Н. Национализм и этнополитика. Речь на презентации книги «Время быть русским!» в Союзе писателей России 22 декабря 2004 г. // <http://ndpr.ru/content/view/266/67/>

⁸⁹ См.: Севастьянов А. Национальная идея на современном этапе. Доклад на Конгрессе Национально-Державных сил России 22 февраля 2003 г. // <http://ndpr.ru/content/view/259/67/> В конечном счете суть проблемы сводится ультраправыми к чисто биологическому фактору, такому как «преумножение нашего (т. е. этнических русских. — Г. К.) удельного веса в составе населения страны» и «сохранению высокой степени биологической однородности русской нации».

Основываясь на подобном видении политической ситуации, формулируются принципы *национальной справедливости*. Первый (условно принцип комплиментарности) включает в себе требование *относиться к другим нациям (народностям) так, как они сами относятся к русским*. При этом выделяются народы комплиментарные и некомплиментарные в зависимости от того, как исторически складывались их отношения с русским народом (напр., чувашаи относятся к комплиментарным, а чеченцы — к некомплиментарным). Исходя из этого базового разделения должна выстраиваться политика русской нации по отношению к «чужим». Второй принцип (условно принцип иерархичности) содержит утверждение о необходимости установления *определенной иерархии в межнациональных отношениях*. При этом выделяются три категории народов: 1. государствообразующий народ (русские); 2. коренные народы, у которых нет собственной государственности вне России (например, татары или мордва); 3. национальные меньшинства, которые обладают такой государственностью (напр., армяне или грузины).

Подобная дифференциация диктует и неравнозначное отношение к представителям различных народов. «По-человечески понятно, — считает лидер НДПР, — что отношение к данным категориям не может и не должно быть равноценным»⁹⁰. Всячески подчеркивая свою приверженность принципу уважения к представителям других коренных народов, А. Н. Севастьянов говорит о необходимости создания *привилегированных условий для русских*⁹¹. По его мнению, это отнюдь не противоречит интересам других этносов, населяющих Россию, поскольку благополучие «государствообразующего» народа автоматически должно привести к общему процветанию. Что касается имиджа этнократического государства на международной арене, то здесь лидер ультраправых ссылается на опыт других стран (как ближнего, так и дальнего зарубежья, напр., Израиля), которые, основывая свою политику на принципах этнократии, тем не менее, выглядят вполне цивилизованными в глазах международного сообщества.

При том что идеи ультраправых находят значительную поддержку в обществе, в том числе среди представителей его интеллектуальной элиты, думаем все же, что этнократический проект не имеет серьезных шансов на реализацию. И главная причина тому, как ни парадоксально, — особенности национального характера самих русских. Являясь традиционно, в силу ряда исторических и географических причин, им-

---

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Этой задаче отвечает и разработанный А. Севастьяновым проект Конституции Русского государства (текст см.: <http://ndpr.ru/content/view/296/67>).

перской нацией, русские выстраивали свои отношения с другими народами по принципу интеграции в единое имперское геополитическое пространство. *Не испытывая иллюзий в отношении нравственного состояния современного российского общества, полагаем, тем не менее, что определяющее место универалистских идей в русской культуре сохраняет свое значение и для сегодняшних реалий, создавая мощную «генетическую» защиту против расизма и ксенофобии.*

И все же, на мой взгляд, проект создания этнократии в России заслуживает самого серьезного к себе отношения. Прежде всего, потому, что его появление в российской политике сигнализирует о нерешенности такой животрепещущей проблемы, как социальный и политический статус русских в России. Значение этого проекта и в том, что он *поднимает* (как решает — это другой вопрос) *темы первостепенной важности, которые по соображениям политкорректности обычно замалчиваются отечественным истеблишментом.*

Социал-демократический проект: культурологическая концепция социализма

Наряду с консерваторами и националистами в последнее время все более настойчиво заявляют о себе силы, называющие себя левыми и социал-демократическими. О политическом успехе левой идеи свидетельствует появление на российской политической сцене партии «Справедливая Россия», возглавляемой спикером верхней палаты российского парламента С. М. Мироновым. Однако, представляя собой попытку концептуализации социал-демократической идеи, взгляды, излагаемые лидером «Справедливой России»⁹², пока не содержат развернутой позиции в отношении основ справедливого общества. Будучи сегодня востребованной на политическом уровне, такая концепция до сих пор разрабатывалась в сфере академической науки, главным образом, в работах известного российского философа культуры и политического философа В. М. Межуева.

Обращаясь к анализу левой идеи и ее перспектив, В. М. Межуев пытается показать, что главная задача европейской социал-демократии отнюдь не сводится к требованию реализации социально-экономических прав — эта задача видится российскому философу пре-

---

⁹² См. напр.: Миронов С. Социальный идеал в современной политике // Политический класс. 2007. Январь. №1 (25).

жде всего в реализации права каждого *на культуру*⁹³. Новизна подхода, предложенного В. М. Межуевым, заключается в том, что собственность и провозглашаемое социал-демократами равное право на нее, трактуются как целиком относящиеся к *сфере культуры, а не экономики*. «В широком смысле общественную собственность следует понимать как собственность на культуру в целом. Она включает в себя все, что служит условием производства не материального богатства в его чисто вещной или денежной форме, а самого человека, как “основного капитала”»⁹⁴.

В перспективе культурологического социализма особую трактовку получает и другое ключевое понятие — индивидуальной свободы. Равное право на культурный капитал предполагает наличие другого важнейшего социального ресурса — свободного времени. «Это время, которое человек тратит на образование и самообразование, на получение новой информации, на развитие своих способностей, то есть на все то, что и конституирует собой производство человека не как физического, а как общественного существа»⁹⁵. При этом свободное время в культурологическом понимании отнюдь не сводится к праздному времяпрепровождению: «Общественная собственность есть, следовательно, условие человеческого существования не в «рабочее», а в «свободное время», которое неправильно сводить к времени только досуга и отдыха. Свободное время — это время «всеобщего труда»... время жизни в культуре, точнее, по законам культуры»⁹⁶.

В самом общем виде проект *социальной политики* российской социал-демократии сводится к следующим базовым положениям: а) защита природного и культурного достояния от экономической и рыночной экспансии; б) увеличение экономического благосостояния и защиту основных социальных прав, и, в первую очередь, права на образование; в) преимущественная защита интересов работников умственного труда как наиболее прогрессивной силы постиндустриального общества; г) особое внимание к публичной сфере общественной жизни, реализация идеи прямой (непосредственной) демократии в политике; д) приоритет культуры перед всеми остальными сферами общественно-политического бытия, усиление борьбы с культурной деградацией об-

---

⁹³ Межуев В. М. Социализм — пространство культуры // Исторические судьбы социализма / Отв. ред. Ю. К. Плетников. М., 2004.

⁹⁴ Там же. С. 109.

⁹⁵ Там же. С. 110–111.

⁹⁶ Там же. С. 111.

щества⁹⁷. В конечном счете, главной целью этой политики остается построение *бесклассового общества*, как общества не экономики, а культуры⁹⁸.

Такая позиция не лишена элементов утопизма: призыв к построению бесклассового общества по ту сторону экономики в условиях глубокого социального расслоения и тотальной коммерциализации всех сторон общественной жизни, звучит довольно неубедительно. Но, пожалуй, самое существенное возражение попыткам реализации социалистической модели может заключаться в том, что современная социал-демократия на Западе, пережив серьезный кризис своих ценностных оснований, стала гораздо ближе к либерализму, чем к классическому социализму⁹⁹. Не учитывать ситуацию общего кризиса левой идеи и неопределенность ее перспектив в условиях глобализации практически невозможно. Думается, что сила социал-демократического проекта — не в его практической программе, которая становится все более труднореализуемой, но в его *гуманистическом пафосе* и осуществляемой им *критической функции* по отношению к господствующему социально-экономическому укладу. В этом качестве *критической теории* социал-демократическая мысль, несомненно, будет оказывать серьезное влияние на положение дел в российской политике.

**Левосторонний проект:
рациональный общественный договор
и модель «хорошего общества»**

Заметным явлением в социально-философской мысли России последних лет стала разработка концепции, получившей название «хорошее общество»¹⁰⁰. Теоретический источник представлений о «хорошем обществе», как указывает идейный вдохновитель проекта и его основной автор В. Г. Федотова, — концепции, появившиеся на Западе в 1970-х годах как альтернатива одновременно и капитализму, и социализму. Являясь по своему первоначальному замыслу чисто эмпирическим, вне-

---

⁹⁷ Межуев В. М. Социал-демократия как политика и идеология (российский вариант) // Духовное измерение современной политики / Отв. ред. В. Н. Шевченко М.: ИФРАН, 2003. С. 76–79.

⁹⁸ Там же. С. 67.

⁹⁹ См.: Западная социал-демократия: поиск обновления в условиях кризиса. / Отв. ред. А. Г. Мысливченко. М.: ИФРАН, 1998; Мысливченко А. Г. Перспективы европейской модели социального государства // Вопросы философии. 2004. №6; Федотова В. Г. Третий путь // Свободная мысль. 2002. №2.

¹⁰⁰ Федотова В. Г. Хорошее общество. М.: Прогресс-Традиция, 2005.

идеологическим проектом, цель которого — создать условия, при которых людям бы жилось хорошо, в работах российского философа данный проект нашел свою проработку в нормативном и теоретическом плане.

Применительно к российской специфике наибольший практический интерес представляет модель *рационального общественного договора*, разработанная ученым с опорой на концепцию «справедливости как честности» американского философа Д. Роулза.

Позаимствовав у гарвардского профессора центральную для его этической теории идею *взаимности* («в концепции справедливости как честности индивиды соглашаются на то, чтобы разделить судьбу друг друга»¹⁰¹), В. Г. Федотова пытается *творчески переосмыслить основы концепции «справедливости как честности» применительно к современным российским условиям*. «Никакой начальный социальный статус не гарантирует человека современного (западного) общества от риска снижения этого статуса, в том числе до самого низкого уровня из-за потери доходов, работы или здоровья. Поэтому каждый человек может мысленно поставить себя в нижайшую социальную позицию. Исходя из этого, находясь в неведении относительно своего будущего, *каждый может быть согласен на то, чтобы сделать минимальный уровень жизни выше, максимизировать социальный и материальный минимум...*» (курсив мой. — Г. К.)¹⁰². Значит «справедливость — это не требование равенства, а это требование, чтобы люди разделяли судьбу друг друга»¹⁰³.

Отмечая, что данная модель требует определенных предпосылок для своей реализации, в том числе социально-антропологического характера, В. Г. Федотова пытается построить модель рационального общественного договора на основе *традиции*. Российская традиция несет в себе две базовые ценности — стремление к правде («чувство справедливости»), и высокое доверие к государству («этатизм»). При соединении этих двух составляющих, когда государство при помощи закона будет реализовывать в обществе моральную идею, а общество, на основе присущего ему «чувства справедливости», поддерживать государство, можно добиться необходимого консенсуса. «Максимизация минимума может стать в России делом государства. ... Представление о собствен-

---

¹⁰¹ Rawls John. A Theory of Justice. Cambridge, Mass., 1971. P. 102.

¹⁰² Федотова В. Г. Модернизация «другой» Европы. М.: ИФРАН, 1997. С. 171. Кроме того, правовой характер государства должен дополняться демократическими процедурами, смысл которых в том, чтобы разумным образом ограничить всеислие власти. Там же. С. 176.

¹⁰³ Там же. С. 171.

ном благе, не данное в опыте традиционного общества каждому индивиду или не совпадающее с представлением о благе людей современных обществ, может внедряться *не силой, а законом*... Через закон власть может обеспечить справедливость — «не требование равенства, а чтобы люди разделяли судьбу друг друга»¹⁰⁴.

В более поздних работах профессор Федотова несколько скорректировала свою позицию. Во-первых, ей была изменена формулировка самого базового этического принципа: если до этого он имел выраженный социальный смысл (т. е. предполагал определенное действие — максимизацию социального минимума), то в настоящее время данный принцип интерпретируется как *сугубо этический*, выражая лишь необходимость определенной *нравственной интенции*, но никак не действия¹⁰⁵. Во-вторых, В. Г. Федотова уже не обращается к идее этатизма, но активно исследует проблематику *социального государства*, определенно противопоставляя его идеологии «сильного государства». Последнее, по ее мнению, «скорее можно понять как государство, готовое к силовому варианту догоняющей модернизации и к проведению шоковой терапии»¹⁰⁶. В-третьих, на нынешнем этапе своего научного творчества В. Г. Федотова занимается в большей степени теоретическими разработками с тем, чтобы дать обоснование проекту, направленному на *соединение свободы и блага, свободы и справедливости*.

Однако и здесь трудно удержаться от возражений. Главным образом, они касаются попытки В. Г. Федотовой использовать концепцию Роулза «справедливости как честности» в качестве модели, примиряющей идеи вэлферизма и перфекционизма в политической теории. Вопреки этой точке зрения отметим, что Роулз — либерал, но из этого вряд ли следует, что он перфекционист, как пытается показать В. Г. Федотова¹⁰⁷. Напротив, у Роулза весьма сильна как раз утилитаристская составляющая, что позволяет некоторым исследователям рассматривать эту концепцию как вариант либерального утилитаризма¹⁰⁸. Представляется, что в большей степени синтез идей благосостояния и индивидуального совершенствования возможен в *либеральном перфекционизме*,

---

¹⁰⁴ Там же. С. 173–174. Кроме того, правовой характер государства должен дополняться демократическими процедурами, смысл которых в том, чтобы разумным образом ограничить всевластие власти. Там же. С. 176.

¹⁰⁵ Федотова В. Г. Хорошее общество. С. 468–469.

¹⁰⁶ Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке / Отв. ред. В. Г. Федотова. М.: ИФРАН, 2002. С. 113.

¹⁰⁷ Федотова В. Г. Хорошее общество. С. 470.

¹⁰⁸ См.: Кашников Б. Н. Либеральный утилитаризм и его критика в политической философии Д. Роулза // *Общественные науки и современность*. 2003. №2.

представленном, прежде всего, в функционалистских теориях человеческого блага, близких к марксистской традиции¹⁰⁹. В значительной степени это признает и сама В. Г. Федотова, отмеюшая в своих работах, что «...в либеральном проекте это примирение (вэлферизма и перфекционизма. — Г. К.) может состояться в меньшей степени, чем в социал-демократическом»¹¹⁰.

Коммунитаристский проект: модель «подвижной» иерархии и идеал братства

Коммунитаристские концепции социальной жизни впервые появились и получили широкое распространение на Западе в 1980-е гг. прошлого века. Для России, из которой коммунитаристские идеалы и практики, казалось, окончательно ушли вместе с крушением советского проекта, возвращение коммунитаризма представляется по-своему уникальным явлением. В этом смысле проект, предложенный философом из Нижегородского университета А. Н. Фатенковым¹¹¹, на наш взгляд, не только восполняет существенный пробел в новейшей истории отечественной социально-философской мысли, но и в какой-то мере восстанавливает прерванную социальными потрясениями некогда мощную в России интеллектуальную традицию¹¹².

«Братская общность» — проект, основанный на сочетании двух аксиологических моментов: 1. справедливая («подвижная») общественная иерархия; 2. братская взаимопомощь в сообществе (солидарность). «Русский мир — пишет А. Н. Фатенков, — испокон веков позиционирует себя “по ту сторону правого и левого” и вдали от калькулируемых либеральных выгод. ... Проект справедливого устройства русского бытия, как представляется, тяготеет к *идее подвижной иерархии* (курсив А. Н. Фатенкова. — Г. К.). По крайней мере, она ему не чужда, хотя зачастую покрыта плотной ретушью мифотворчества»¹¹³.

---

¹⁰⁹ Мы имеем в виду известные на Западе концепции «функциональных возможностей человека» М. Нассбаум и А. Сена. Анализ этих концепций см.: Канарш Г. Ю. Справедливость как развитие человеческих качеств // Человек. 2006. №5.

¹¹⁰ Федотова В. Г. Хорошее общество. С. 471.

¹¹¹ См.: Фатенков А. Н. Идея подвижной иерархии // Человек. 2007. №2.

¹¹² Проект нижегородского философа можно назвать неославянофильским, поскольку его автор обращается к идейному наследию именно этого направления в русской мысли.

¹¹³ Фатенков А. Н. Идея подвижной иерархии С. 27. Принцип подвижной иерархии, таким образом, отражает идею высокой социальной мобильности в противоположность застывшей иерархии традиционных обществ. Это означает также необходимость отказаться от идеи тотального подчинения интересов индивида интересам со-

Исходя из такого понимания основ общественного устройства, в проекте формулируются принципы *социальной справедливости*: «Итак, справедливое общество на русский лад — это общество: 1) экономически равных людей, то есть равно вышедших из-под гнета труда как необходимости; 2) подвижно-иерархическое в областях собственно социальной, хозяйственной (отличающейся от экономической примерно так же, как культура отличается от цивилизации) и политической; 3) наконец, это общество совестливой иерархии в сфере собственно культурной (духовной)»¹¹⁴.

Первый принцип имеет отчетливо эгалитарный характер, являясь, по сути, заимствованием из марксистской традиции. Второй принцип оказывается близок протестантской этике с ее идеей трудовой аскезы¹¹⁵. И, наконец, во втором и третьем принципах весьма сильны элементы элитизма — культурного и политического, традиционно отдающего приоритет в социальной жизни меньшинству перед большинством (массой). Эта линия аргументации, наиболее выразительно представленная нижегородским мыслителем в проекте «экзистенциальной автократии»¹¹⁶, со всей очевидностью восходит к Платону. Таким образом, уже в первом приближении становится ясным, что *предлагаемая концепция не выдерживает строгого соответствия утверждаемому принципу ранга и на деле сочетает в себе как элементы традиционной «иерархической» справедливости, так и справедливости «эгалитарной» (апеллируя при этом к разным интеллектуальным традициям)*¹¹⁷.

общества, что было характерно для обществ традиционного типа (см.: там же. С. 21, 24.)

¹¹⁴ Там же. С. 28.

¹¹⁵ «Общество поступит справедливо, если, отказавшись от жесткого принуждения и неуклюжей опеки, трудолюбца будет ставить выше лентяя и того, кто работает «от звонка до звонка», ненавязчиво подталкивая последних к тому, чтобы проявить себя и повысить свой хозяйственный статус». (См.: Там же. С. 28.)

¹¹⁶ А. Н. Фатенков разводит две базовых парадигмы в истории социальной мысли: персоналистскую, идущую от Платона, и институционалистскую, восходящую к Аристотелю. Сам автор присоединяется к персонализму, полагая, что «даже не питая особого оптимизма в отношении человеческих качеств, можно связать определенные надежды с экзистенциальной автократией, означающей власть (немногих) личностей во благо (всех) личностей». См.: Фатенков А. Н. Кто должен править: люди или законы, массы или личности? Апология экзистенциальной автократии // Политические исследования. 2005. №2. С. 162.

¹¹⁷ Причем, как ни парадоксально, этой последней в проекте придается основополагающее значение. «Первым пунктом устанавливается та оптимальная доля необходимого положительного равенства, без наличия которой говорить о справедливости действительно не приходится». См.: Фатенков А. Н. Идея подвижной иерархии. С. 28.

Безусловно, коммунитаристский проект обладает высокой нравственной ценностью и немалой эстетической привлекательностью. Нравственной — потому что несет в себе высокий гуманистический смысл, помещая в центр социальной жизни интересы живой, конкретной личности, защищая ее особость и своеобразие перед лицом нивелирующего различия эгалитаризма. Эстетической — поскольку предлагает стройную, целостную, гармоничную модель человеческих взаимоотношений в сообществе. Еще одним несомненным преимуществом данного проекта является его *онтологическая укорененность*, обращенность к самим основам человеческого существования (экзистенции).

К сомнительным сторонам проекта можно отнести: во-первых, *эклeктичность* предлагаемой в его рамках концепции справедливости, сопричастие в ней элементов различных, порой взаимоисключающих, интеллектуальных традиций (в том числе, сугубо модернистских, как, например, марксизм); во-вторых, *непоследовательность*, поскольку многоярусное здание подвижной иерархии утверждается на *эгалитарной* основе (принцип равной экономической свободы субъектов); в-третьих, очевидная *непрактичность*. Мы вынуждены еще раз повторить наш вывод, что *любой коммунитаристский проект применительно к сложившейся в России социальной реальности страдает неадекватностью*.

* * *

Таким образом, из пяти рассмотренных выше проектов (консервативного, этнократического, социал-демократического, левоцентристского, коммунитаристского) именно левоцентристский проект (хорошего общества), на наш взгляд, предлагает наиболее убедительную этико-политическую и социальную программу. Во всяком случае, *трудно отрицать тот факт, что капитализм в России давно стал реальностью, и наши возможности в плане решения этических проблем российского общества неизбежно ограничиваются условиями капиталистической действительности*¹¹⁸. Поэтому, при возможных симпатиях к правым, левым или коммунитаристским, интерпретациям политической справедливости, они *вряд ли могут претендовать на роль системообразующих принципов новой России*. Нисколько не умаляя теоретической значимости данных проектов, полагаем, что их влияние на современную

---

¹¹⁸ См.: Федотова В. Г. Этика и капитализм // Политический класс. 2007. Январь. №1 (25).

российскую политику будет ограничиваться в основном *критической функцией*, осуществляемой по отношению к сложившемуся социальному порядку.

Ч. К. Ламажаа

КЛАССИЧЕСКИЕ И НЕКЛАССИЧЕСКИЕ ТРАКТОВКИ ПОНЯТИЯ «КЛАН» В СОЦИАЛЬНЫХ НАУКАХ*

Перед исследователями клановости в политике на постсоветском пространстве — в ряде стран СНГ и регионов России стоит много задач для решения. В первую очередь следует уточниться с понятием «клан». Современные трактовки кланов настолько отличаются от тех, которые были заложены в антропологических, этнографических исследованиях, что о вторых можно говорить как о «классических» в целом (при всем их многообразии), а о первых, как «неклассических».

Классические трактовки

Одной из главных традиционных проблем антропологии, этнографии стала неустойчивость определений «рода», «клана», «племени», которая особенно заметна уже в ранних работах Л. Моргана. Описания структуры родства, различных форм брачных связей, систем родства, обычаев экзогамии и эндогамии и мн. др. оставалось главными темами работ культурных антропологов, этнографов, изучавших в конце XIX — начале XX вв. общественный строй народов колониальных стран Африки, Южной и Юго-Восточной Азии, Океании. При этом, как пишет Д. А. Ольдерогге, ясного и точного определения рода так и не сложилось, что обусловлено отсутствием четких границ в структурах общественной жизни, отсутствием ясных дискретных единиц. Каждый исследователь применял в своих трудах выработанную им систему терминов родства. Один и тот же термин у разных авторов имел разные значения¹¹⁹.

---

* Статья подготовлена в рамках проекта «Клановость в политической жизни регионов России (на примере Тувы)», осуществляемого при поддержке РГНФ (грант №07-03-00020а).

¹¹⁹ Ольдерогге Д. А. Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин // Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975. С. 6–19.

Например, исследователи начала XX века одних и тех же народов низовьев реки Конго смешивали род и семью — две принципиально различные социальные структуры. Ван Винг назвал девять подразделений этнической группы баконго — лувилла — кланами. В качестве признаков клана выступают, по мнению данного исследователя: родственные связи по линии матери, экзогамность, наличие своего имени (священного), особый набор личных имен, которые передаются от матери — дочери, от брата матери — его племяннику, сыну его сестры (считалось, что таким образом предки вновь возрождаются). При этом, Ван Винг кланами также называет и семейные группы канда¹²⁰. Другие его коллеги также род рассматривали как синоним семьи, называя и то, и другое кланами¹²¹.

Помимо разногласий по общим терминам, по-разному трактуются и составные части основных социальных структур, таких, как род. Например, М. Салинс считает, что племя (tribe) распадается на подразделения — подплемена (subtribes); они состоят из деревень (villages), те в свою очередь включают в себя роды (sibs), последние состоят из домохозяйств (household)¹²². Очевидно, подчеркивает Д. Ольдерогге, что в этом, и подобных ему других описаниях, присутствует смешение кровнородственных объединений (рода и его подразделений) и чисто территориальных единиц (деревни, селения).

Подобные ошибки делали и западные авторы, и отечественные.

Особыми общественными единицами, по мнению Ольдерогге, являются большие семьи, семейные общины, которые имеют отличия и от кровнородственных объединений, и от территориальных единиц. М. О. Косвен перечисляет такие характеристики семейной общины (домовой общины или патриархальной семьи): три-четыре, иногда до семи, поколений потомков одного отца, нисходящих и боковых, которые составляют одно хозяйство, покоящееся на коллективной собственности на землю и основных средствах производства, равном коллективном потреблении продуктов этого производства. Численность таких семейных общин доходила в старину до нескольких сот человек. Разрастание ее может привести к появлению патронимии, родственные патронимии образуют в совокупности патриархальный род¹²³...

---

¹²⁰ Van Wing. Etudes Bakongo. Bruxelles, 1959.

¹²¹ См.: Социальная организация народов Азии и Африки. М., 1975. С. 40–42.

¹²² Ольдерогге Д. А. Иерархия родовых структур и типы большесемейных домашних общин... С. 6.

¹²³ Там же. С. 7. См.: Косвен М. О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

Ольдерогге в целом справедливо считает, что перенесение терминов одной культуры, одной системы родства на другую культуру, попытка сделать ее универсальной, неизбежно ведет к упрощениям, к возникновению неточностей при анализе материала конкретной культуры. Точно также и нельзя полностью доверяться местной терминологии, так как она может применяться недостаточно четко и иерархически различные единицы родового строя в зависимости от случая могут быть названы одинаково. Это заметно по исследованиям и той культуры, в недрах которой родился термин «клан».

Слово «клан» («clann»), как пишет исследователь европейской истории Ю. М. Сапрыкин, на гэльском языке¹²⁴ означал у кельтских народов, главным образом ирландцев, шотландцев и валлийцев (уэльсцев), наименование в одних случаях — рода, в других — племени. Позднее, в период разложения родовых отношений, этим словом стала именоваться группа кровных родственников, потомков одного древнего рода, носивших имя предполагаемого родоначальника. К имени добавляется приставка «мас» (сын) у шотландцев и ирландцев или «о» (внук) у ирландцев. Кланы сохраняли общую собственность на свои земли, раздаваемые для обработки семьям, и соблюдали другие обычаи родового строя (кровная месть, круговая порука, выборы старейшин). В отдельных районах Шотландии и Уэльса клановая организация, как пишет Сапрыкин, сохранялась вплоть до XIX в.¹²⁵

Согласно Г. И. Зверевой, кланы Шотландии — это родовые объединения, которые состояли из нескольких родов — септов. Септы объединяли крупные патриархальные семьи — финны. Все члены септа вели свое происхождение от одного предка и носили одно родовое имя. Кланы в первые века нашей эры на территории Шотландии образовывали королевства, которое заменило собой одно королевство кельтских племен скоттов в VI веке¹²⁶.

Позже, в XIV–XV веках кланом (или семейством) стал называться феодально-дворянский род, который функционировал как автономное целое в условиях господства натурального хозяйства и политической раздробленности. Глава рода был феодальным магнатом, предки которого зачастую являлись выходцами из других районов. Он безраздельно распоряжался на пожалованной ему земле, опираясь на многочисленную

---

¹²⁴ Гэльский язык (гаэльский) — язык шотландцев, населяющих северную (горную) часть Шотландии и Гебридские острова.

¹²⁵ Сапрыкин Ю. М. Английская колонизация Ирландии в XVI — нач. XVII в. М., 1958.

¹²⁶ Зверева Г. И. История Шотландии. М., 1987. С. 9–10.

родню. Члены феодального семейства на отведенных им (на началах пожизненной аренды) землях эксплуатировали крестьян, оказавшихся в феодальной зависимости¹²⁷.

В. Ю. Апрыщенко считает, что своеобразный тип общественной организации в Шотландии, ядром которой стала клановая система, сложился именно в XVI веке. Делая обзор основных исследований по Шотландии, он отмечает, что целостного подхода в науке к тому, что есть клановая система, так и не сложилось¹²⁸. По его мнению, кланы были не просто объединениями, структурированными вокруг родовых, реальных или вымышленных связей и лидеров, если в основе их лежали отношения владения определенных территорий, которые порождали клановую собственность на землю, межклановую вражду, а позже и новые социальные группы землевладельцев и крестьян¹²⁹.

Очевидно, что даже в рамках общественного развития Шотландии понятие «клан» было не устойчивым и означало в разные периоды не одинаковые социальные объединения. Однако все же некоторые устойчивые признаки оставались неизменными для наблюдателей: родоплеменная (реальная или вымышленная), а также хозяйственная основа объединений. Соответственно этому понятие «клан» часто как синоним «рода» с разными вариациями активно использовался и продолжает использоваться в антропологии. Л. Г. Морган обозначал этим словом патрилинейную группу — родственное объединение, возводящее происхождение к мужскому предку, Дж. Мердок и В. Райх — матрилинейную (женскому предку). У одних авторов клан — это община с локализованным кровнородственным ядром, у других — группа родственных семей, главы которых ведут свое происхождение от общего предка.

В целом, превалирующим в антропологии, этнологии стало представление о том, что кланом считается кровнородственная группа, члены которой возводят свое происхождение к общему предку (унилинейная) — мужскому или женскому, но не могут проследить все свои родственные связи генеалогически. Клан может состоять из линиджей (англ. lineage от linea — линия, ряд) — форм родственных объединений, которые могут проследить реальные генеалогические связи друг с другом.

Достаточно четко это выражено в концепции одного из основоположников структурно-функционального подхода, британского ученого

---

¹²⁷ Там же. С. 41.

¹²⁸ См.: Апрыщенко В. Ю. Клановая система Горной Шотландии в период раннего Нового времени: характерные черты и особенности развития. Автореферат... к.и.н. Ростов-на-Дону, 2002.

¹²⁹ Там же. С. 15.

А. Редклиффа-Брауна. По его мнению, в европейской научной традиции понятие «клан» определяется как сегмент общества, как некая система корпораций на базе родства, в котором человек от рождения человек получал права на некоторое количество людей. Он включал всех родственников по отцу и по матери, счет которым велся либо по мужской, либо по женской линии в определенных пределах, различных в разных сообществах, а возможно, и в одном и том же сообществе в разное время. Однако имеются общества, оговорил антрополог, в которых существует приблизительное равновесие между элементами статуса, приобретаемыми через отца, и теми, что приобретаются через мать, то есть существует двойная система кланов, как бы перекрывающих друг друга. Через мать ребенок получает членство в матрилинейном клане; через отца он становится членом патрилинейного клана. Для некоторой общественной упорядоченности, общества, строящие свою социальную жизнь на основе кланового деления, должны определиться с унилинейной преемственностью — обязаны выбрать или матрилинейную линию, или патрилинейную¹³⁰.

По Рэдклиффу-Брауну, клан — это группа, которая, хотя и не является фактически или доказуемо (генеалогически) линиджем, считается по целому ряду признаков сходной с линиджем. Обычно она состоит из нескольких подлинных линиджей¹³¹. В принципы объединения людей в клан тем самым входят не только родственные связи, но и солидарность. Тем не менее, это экзогамная группа, в которой принято жениться, выходить замуж за людей за пределами своего клана.

Что важно, в роде — клане речь идет, как подчеркивает Д. А. Ольдерогге, о социальной обусловленности счета родства. Включение в состав рода родственников одной линии счета родства исключает из состава членов рода другую их половину: так, при матрилинейном счете родства родственники по линии отца не считаются членами моего рода, хотя биологически некоторые из них оказываются гораздо более близкими, чем те, кто социально признаются сородичами. При патрилинейном счете родства все отношения прямо обратны¹³².

Надо отметить, что проблема родства для социальных наук, в том числе для антропологии, до сих пор остается спорной, противоречивой темой. Очень интересно по этому поводу пишет историк из Германии,

---

¹³⁰ Рэдклиффа-Браун А. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М., 2001. С. 58–60.

¹³¹ Там же. С. 86.

¹³² Ольдерогге Д. А. Иерархия родовых структур и типа большесемейных домашних общин... С. 9.

исследователь проблем родства в Средневековье Б. Юссен: «... едва ли кто-нибудь станет спорить, что некая связь между биологией и родством существует. Но когда доходит до объяснения отношения между ними, большинство авторов высказывается туманно и аргументация их нередко оказывается непоследовательной»¹³³. Антропологи полагают, что терминология родства опирается на биологию, однако между родством и биологией часто наблюдается разрыв, прежде всего культурно-антропологического характера (звание истинных родственников может даваться в культуре через присвоение этого статуса). Соответственно ученые пишут о естественном родстве и псевдо-родстве. Однако Б. Юссен не согласен с такой позицией, считая, что исследователи тем самым ограничивают себя в предмете, переносят на другую социокультурную реальность представления иной, своей культуры. Дело в том, что для изучаемых культур не было различий между «настоящим», «псевдо-», «фиктивным», «условным» и пр.

Например, в медиевистике используют разные категории, ограничивающие крестных родителей от кровных родственников. Но крестное родство не может называться фиктивным, так как оно не претендует на права наследования. Ритуал также не может рассматриваться как определяющий момент между крестничеством и биологическим родством, ведь существовали представления и о незаконном рождении, при которых даже биологически кровный ребенок не мог быть признанным, пока не проходил особого обряда инициации, признания его как «правового понятия». «Родство было только одной из многих категорий, с помощью которых люди вносили порядок в свою социальную среду и одновременно этот порядок легитимировали»¹³⁴, — пишет Юссен.

Понимание того, что родство — это не биологический факт, а способ осмысления социальных связей, ментальная система, специфичная для каждой культуры, пришло лишь в последние двадцать лет. Но, естественно, подчеркивает упомянутый ученый, «не надо валить в одну кучу все, что называлось родственными отношениями»¹³⁵. Гораздо более продуктивным он считает изучение в определенной культуре родство не с помощью традиционных, устаревших классификаций родства, а с помощью, например, функционалистского подхода, который предложила

---

¹³³ См.: Юссен Б. Родство искусственное и естественное? Биологизмы в культурно-исторических концепциях родства // Человек и его близкие на Западе и Востоке Европы (до начала нового времени) / Под ред. Ю. Бессмертного, О. Эксле. М., 2000. С. 85.

¹³⁴ Там же. С. 93.

¹³⁵ Там же.

Э. Гуди. Чтобы сделать возможным сравнительное исследование техник социального воспроизводства в различных культурах, она приняла в качестве родителей индивидуума всех тех, кто выполняет определенный набор задач: зачатие и рождение, наделение социальной идентичностью и собственностью, питание, обучение, помощь при переходе в мир взрослых. То есть исследовательница рассматривает типично родительские функции: физиологические, правовые, воспитательские. В таком подходе нет истинного и фиктивного родства, все отношения помещены в систему физиологических, юридических и воспитательных аспектов родительства, которые, как подчеркивает Б. Юссен, почти ни в одном обществе не ограничены одними только биологическими производителями.

Несмотря на некоторую ограниченность концепции Э. Гуди, подход демонстрирует, по мнению Юссена, новое поле для исследовательских задач. При работе с любой культурой важно признать родством все то, что эта культура само осмыслило в терминах родственных связей. Отношения родства к биологическому воспроизводству каждый раз необходимо выяснять заново¹³⁶.

Однако подобная позиция еще не распространена в антропологии и в целом в социальных науках, она скорее исключение, чем правило. Для ученых важно опираться на определенную терминологию для опоры на одинаковые схемы исследований, для проведения сравнительных исследований, а не выработать в каждом случае уникальную терминологию, которая бы адекватно отражала системы родства в культуре и ее роль в общественной жизни.

Одним из таких универсализированных терминов, более того — изменивших в ходе использования свое первоначальное содержание, стал «клан». Вышеупомянутая социальная обусловленность, которую видели ученые в существовании социальной структуры — рода или клана, позволило впоследствии западным исследователям не только перенести известное в Европе шотландское понятие на другие культуры, а также говорить о клановых характеристиках других социальных групп внутри одного усложняющегося общества.

Термин «клан», помимо культурной и социальной антропологии, стал востребованным и в целом социальными науками. В первую очередь это было связано с исследованиями в области социологии семьи, в рамках которой клан рассматривался одной из разновидностей большой, патриархальной, традиционной семьи.

---

¹³⁶ Там же. С. 97.

В течение длительного времени — до середины XIX века, как пишет отечественный исследователь А. Г. Харчев, семья рассматривалась как изначальная и по самой своей природе моногамная ячейка общества, исходный пункт его развития и его миниатюрный «прообраз»¹³⁷. Впоследствии семьи чаще всего стали подразделяться на два основных типа: патриархальная, большая («традиционная») и нуклеарная, парная («современная»). Первый тип, к которому относился клан, — определялся как расширенная семья (как минимум три поколения), построенная на родственно-семейном принципе организации всей общественной жизни, перевесе ценностей родства над максимизацией выгод индивида, имеет своей основной экономической единицей семейное домохозяйство. В такой семье низкая социальная мобильность (как правило, сыновья наследуют социальный статус и профессиональную специализацию отца). В системе ценностей традиционной семье на первом месте находятся: долг, следование традициям, авторитетам старших, ценностям детей. Выбор супруга подчинен интересам всей семьи.

С первой половины, а особенно с середины XX века в науке получило распространение мнение о повсеместном сдвиге к нуклеарной семье, разрушению семьи расширенной, других типов родственных связей, в том числе и в странах третьего мира. Клан в этой ситуации стал рассматриваться как отживающая форма семейной организации. Традицию такого противопоставления форм семейной организации можно найти в трудах одного из французских классиков социологической мысли рубежа XIX–XX веков Э. Дюркгейма, хотя он не занимался собственно семьей, рассматривал ее как часть социальной структуры. Так, в работе «О разделении общественного труда» ученый пишет о том, что кланы являются основой общества первобытной стадии (продолжения еще более ранней стадии орды), его элементарными агрегатами, сегментами, которые образуют своим повторением данное общество¹³⁸. Клан, по Дюркгейму, это семья в том смысле, что все составляющие его члены смотрят на себя как на родственников, и в большинстве случаев они действительно единокровные родственники. Однако, подчеркивает исследователь, это не семья в обычном смысле слова, так как не все члены клана состоят в единокровном родстве. Ношение одного и того же имени (*рода, или фамилии*. — Ч. Л.) не обязательно означает, что люди имеют общего предка.

---

¹³⁷ Харчев А. Г. Социология семьи: проблемы становления науки. М., 2003. С. 10.

¹³⁸ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда // Западноевропейская социология XIX — начала XX веков. М., 1996. С. 256–309.

В дальнейшем многие социологи признали ошибочным утверждение, что нуклеарная семья повсеместно становится доминирующей формой. В большинстве обществ, считают они, расширенная семья по-прежнему остается нормой, и сохраняется традиционная практика семейных отношений. Э. Гидденс подчеркивает, что «типы семейных систем разнообразны, и изменения в этих системах происходят в различных направлениях. Наблюдаются отличия в скорости происходящих перемен, имеется множество встречных тенденций»¹³⁹.

Клан Э. Гидденс определяет как одну из больших родственных групп, выделяя следующие его характеристики: внутриклановые связи выходят за пределы обычных прямых семейных родственных связей; члены одного клана обладают, как правило, схожими религиозными верованиями, имеют экономические обязательства друг перед другом и живут в одной и той же местности. При этом главным признаком является идентификация. Поэтому собственно клан исследователь представляет как группу, «все члены которой считают, что они происходят (по мужской или женской линии) от общего предка, давшего начало клану несколько поколений назад»¹⁴⁰. Таким образом, члены клана расценивают себя и рассматриваются остальными как коллектив, наделенный специфическими чертами.

Неклассические трактовки

«Неклассическими» трактовками понятия «клан» можно назвать подходы ряда современных социологов, политологов, экономистов. Объединяет их взгляд на клан как особое социальное образование, в котором они не усматривают родственной основы. Для них кланы — не этнологические объекты и даже не семейные системы, а социальные группы с особыми характеристиками, часть из которых сходна с клановыми, например, замкнутость, доверие между членами группы и пр. Такие отношения делают группы устойчивой формой взаимопомощи в неблагоприятных социальных условиях, стали востребованными в формальных и неформальных группах, а где-то даже целенаправленно культивироваться в менеджменте различных организаций. Соответственно клановость стала усматриваться социологами, политологами, как на Западе, так и в нашей стране, в неродственных группах, которые и были названы кланами.

---

¹³⁹ Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 370.

¹⁴⁰ Там же. С. 363.

Неблагоприятные социальные условия, в которых исследователи стали усматривать функционирование новых неродственных «кланов», — это, прежде всего, трудные трансформационные процессы, сопровождающие модернизацию традиционных, бывших социалистических обществ, начиная с 1990-х годов. О кланах как о группах взаимопомощи, которые появились здесь, заговорили, например, западные исследователи. Подобная клановость стала считаться ими универсальной характеристикой социальной жизни России и всех постсоветских государств. По их мнению, перед странами бывшего соцлагеря не стоит дилеммы «план или рынок», им также чужд выбор «клан или рынок». «Стратегия их развития предполагает становление более развитой экономики через клан», — пишет американская исследовательница Н. Динелло, ссылаясь на мнение Г. Граббера, Д. Старка, Л. Брусца (Бруста)¹⁴¹.

Общественная жизнь современной России в противоположность структуре и ценностям гражданского общества, по ее мнению, организована иерархически. Дела общества находятся в компетенции начальников и чиновников, а рядовые граждане живут по принципу «моя хата с краю, ничего не знаю». Иерархические структуры — финансово-промышленные группы, которые пришли к власти, организованы по типу кланов. Это значит, что они представляют собой, по мнению Н. Динелло, вертикально интегрированную группу, в которой наверху стоит лидер бизнеса и «свой человек» в правительстве, ступенькой ниже — руководители банков, предприятий и средств массовой информации. Им подчиняются аналитики и консультанты, специалисты по общественным отношениям, журналисты, работники служб безопасности. Объединяющим принципом для кланов, с точки зрения исследовательницы, является принцип «Кто не с нами, тот против нас». «Кланы» воплощают в себе определенную стратегию кооперации в интересах уменьшения неопределенности и усиления безопасности и стабильности.

О кланах в условиях формирующейся рыночной экономики исследователи пишут на материалах не только России, но других стран постсоветского пространства¹⁴². Собственно тенденция, обозначенная

---

¹⁴¹ Динелло Н. От плана к клану: социальные сети и гражданское общество. // Профессионалы за сотрудничество. Часть 1. (Гражданское общество: историко-философские корни, реальная практика, перспективы. Материалы конференции 1998 г.). М., 1999. См.: <http://www.prof.msu.ru/publ/book3/din.htm>.

¹⁴² См.: Stark D. Privatization in Hungary: From Plan to Market or from Plan to Clan? // East European Politics and Societies. 1990. Vol. 4. P. 3; Лукин А. В. Демократия или кланизация? // Полис. 2000. № 3. С. 6; Boisot M., Child J. From Fiefs to Clans and Network Capitalism: Explaining China's Emerging Economic Order // Administrative Science Quarterly. 1996. Vol. 41.

выше как «от плана к клану», по мнению югославского социолога З. Видоевича, может показаться «слишком резкой», однако, исследуя политические элиты в трансформирующихся обществах, он фиксирует ее наличие: она «тем не менее, отражает существенную часть действительной трансформации»¹⁴³. Он считает, что создание политико-экономических кланов и явлений нового корпоративизма — это форма превращения части представителей этого класса в класс новых собственников, крупных и средних капиталистов. Собственно неокорпоративные кланы, по мнению Видоевича, представляют интересы отдельных крупных отраслей хозяйства и пытаются навязать их всему обществу.

Особенности российской экономической жизни, в которой стала царить клановость, напрямую связывают с политической системой страны и отечественные экономисты. В частности А. Либман пишет о «клановой экономике», о «клановом капитализме»¹⁴⁴. Как в области права, бизнеса, так и в других сферах жизни России, считает он, присутствует дефицит доверия. «Радиус доверия» крайне узок и ограничен в основном кругом хорошо знакомых между собой людей. Эти круги, или «сети» исследователь и называет «кланами», в которых и осуществляется большинство сделок.

Экономист Л. Е. Косалс, пишущий не просто о «клановом» капитализме в России, а даже о «клановом» государстве, дает такое определение кланов: это главные действующие лица сложившейся системы, которые «представляют собой закрытые теневые группы бизнесменов, политиков, бюрократов, работников правоохранительных органов, иногда представителей организованной преступности, объединенных общими деловыми интересами и неформальными отношениями, в противоположность системе, где главную роль играют независимые предприниматели, конкурирующие между собой»¹⁴⁵. В границах клана неформальные внутригрупповые нормы и правила поведения играют более существенную роль, чем формальные законы, и несоблюдение первых карается гораздо более серьезно, чем нарушение вторых.

Экономисты признают тесную связь экономики и политики в России, а также пишут о клановом характере и той, и другой сфер. При

---

¹⁴³ Видоевич З. Конфликты внутри и между политическими элитами трансформирующихся обществ // Социология в странах Центральной и Восточной Европы. Хрестоматия. М., 2005. С. 636.

¹⁴⁴ Либман А. Между «клановым капитализмом» и «управляемой демократией» // Свободная мысль. 2004. № 6.

¹⁴⁵ Косалс Л. Клановый капитализм в России // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. № 6. 2006 // <http://magazines.russ.ru/nz/2006/50/ko17.html>

этом они концентрируют свое внимание на финансово-промышленных группах — «кланах», хотя и подразумевают участие в них и власть преобладающих. Политологи и социологи, занимающиеся проблемами политики, уже говорят собственно о кланах во власти как неформальных структурах политической элиты.

Как пишет О. В. Крыштановская, новая российская элита стала стремительно возвращаться к патримониальным устоям политий прошлого, в том числе к традиционному клиентелизму. Кланов складываются вокруг влиятельного лидера и способствуют тому, что руководящие посты монополизированы этой неформальной группой элиты — единой правящей группой общества¹⁴⁶. Несмотря на то, что Э. Гидденс рассматривает кланы больше как этнографические объекты (см. его определение в предыдущем параграфе), отечественная политолог привлекает гидденсовское понятие, правда другое — «группы взаимопомощи»¹⁴⁷. Она полагает, что именно оно пригодно для ее трактовки кланов, так как речь идет об иерархической структуре, непостоянном членстве, наличии некоторых моральных принципов и общих интересов, связывающих группу. Клан формируется вокруг одного или нескольких политических деятелей, вербует сторонников, разрастается, стремясь к покрытию всего политического поля. Чем больше членов клана работает в разных иерархиях, тем больше его капитализация. Крыштановская также считает, что кланы функционируют вне рамок какой-либо одной властной корпорации, пронизывая многие структуры.

Автор приводит пример с кланом Чубайса, называя его одним из самых могущественных в России начале 1990-х годов. Она вкратце обрисовала основные этапы эволюции этого клана: «начало «команды» Чубайса положила так называемая санкт-петербургская группа, состоявшая из самого А. Чубайса и его земляков С. Беяева и Д. Васильева», «эта группа начала формировать в Госкомимущество (ГКИ) — ключевом ведомстве начала 90-х гг., ведающем приватизацией». Преобразование петербургской группы в элитный клан началось после отставки Чубайса с поста руководителя ГКИ. Клан вобрал в себя новых коллег Чубайса по работе в избирательном штабе Б. Ельцина на выборах 1996 г, в правительстве, где Чубайс занял пост первого вице-премьера, и администрации президента, которую он возглавлял с 1996 по 1997 гг. Круг «своих» людей постоянно расширялся¹⁴⁸.

---

¹⁴⁶ Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2004. С. 83.

¹⁴⁷ Гидденс А. Социология. М., 1999. С. 284–285.

¹⁴⁸ Крыштановская О. Анатомия российской элиты. С. 84.

Другой авторитетный политолог О. В. Гаман-Голутвина признает мнение о том, что понятие «клан» в последние годы используется по-разному, неточно, в том числе потому что у большинства так называемых кланов отсутствуют родственные и этнические отношения, которые и придают особую устойчивость и сплоченность подобным образованиям. Однако исследовательница все же считает обоснованным использование понятия «клан». По ее мнению, также как и мнению С. П. Перегудова¹⁴⁹, существо клановых отношений составляют такие черты как клиентелизм, закрытость, сугубо корпоративная, партикулярная ориентация, которые и можно наблюдать у современной политической элиты России¹⁵⁰. О. В. Гаман-Голутвина считает, что в 1990-е годы ведущими политическими субъектами в нашей стране стали кланы: «Особенностью внутриэлитной диспозиции при Ельцине было не разделение властей, а разделение кланов»¹⁵¹. Наиболее могущественным элитным кланом она называет «Семью» Б. Н. Ельцина. Кроме него политолог называет и земляческие кланы, в частности питерский, появившийся вместе с В. В. Путиным.

Наиболее же характерные элитные кланы она усматривает все же на региональном уровне, подчеркивая, что характер их там, особенно в национальных республиках, в значительной мере определен доминирующими моделями политической культуры. Основой кланов в них она называет нередко родственные и земляческие отношения, общность социального происхождения. В качестве примера Гаман-Голутвина приводит Республику Татарстан¹⁵². В структурном плане татарстанская элита представляет собой совокупность концентрических кругов с центром в лице М. Шаймиева: первый круг — «семья» (родственники); второй — друзья «семьи»; третий — «социально близкие» высокопоставленные функционеры (этнические татары — выходцы из деревень); четвертый круг — «приближенные к трону» — функционеры, выдвинувшиеся благодаря деловым качествам, но с учетом безусловной личной лояльности первому лицу¹⁵³.

Ж. Т. Тощенко кланами во власти называет замкнутые группировки, не являющихся, а только считающих себя избранными, лучшими в

---

¹⁴⁹ См.: Перегудов С. П., Лапина Н. Ю., Семененко И. С. Группы интересов и российское государство. М., 1999.

¹⁵⁰ Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М., 2006. С. 335.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Там же. С. 390.

¹⁵³ Гаман-Голутвина О. В. (отв. ред.) Самые влиятельные люди России. Политические и экономические элиты российских регионов. М., 2004. С. 160–184.

каком-то отношении. Однако в качестве формирующих принципов для кланов социолог допускает родство, протекционизм, землячества, замкнутое ближайшее окружение, иногда — профессиональные предпочтения. Тем самым в определении автора присутствует два типа кланов: во-первых, сформированные на политической концепции, национальной идее, во-вторых, на родоплеменных, узкогрупповых, эгоистических притязаниях¹⁵⁴.

* * *

В антропологических, этнографических трактовках кланов, как уже было показано, нередко встречаются смешение этого понятия с другими антропологическими: род, община, семья и пр. Несмотря на это, общим является убеждение в том, что в основе кланов находятся родственные связи и отношения.

В политологических, социально-экономических подходах также присутствуют свои понятия, которые часто ныне подменяются «кланом». Среди них: политические команды, олигархические группы, клики, корпорации и пр. Исследователи далеко не всегда отличают особенности политических «кланов» от политических команд, корпоративных групп. Тем самым в отечественной политологии для определения неформальных групп в политике постсоветского времени активно используются термины, выражающие суть, как выражается американский политолог Э. Хейвуд, групп традиционного (общинного) типа¹⁵⁵. В отличие от них в западной политологии распространены исследования групп интересов (например, в США) и групп давления (в Великобритании). Однако и эти понятия в самих научных школах, по признанию упомянутого ученого, имеют неоднозначные трактовки.

Очевидно, что классифицировать общественные группы в политике весьма непросто. Сложность заключается и в формах их объединения, и в интересах, которые они имеют, а также границ этих интересов, и в приближенности групп к вершинам власти и во многом другом. Смешение исследователями всех этих признаков и нюансов часто и приводит к несовершенству типологий, к тому, что в этой проблематике нет общепринятой терминологии. Сам же Хейвуд предлагает следующую типологию, на мой взгляд, которая решает большую часть этих исследовательских проблем.

---

¹⁵⁴ Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России... С. 389.

¹⁵⁵ Хейвуд Э. Политология. М., 2005. С. 335.

В частности, он выделяет три типа групп: группы традиционного (общинного) типа, институциональные и ассоциативные группы. Чем они отличаются друг от друга? Главной чертой общинных групп является то, что они возникают на основе естественной, исторически сложившейся, структуры общества. «Проще говоря, — подчеркивает автор, — такие группы не создаются под какую-то цель, в них никто никого специально не приглашает и не принимает — человек в них живет с момента рождения»¹⁵⁶. Речь идет о семье, племени, касте, этносе и, добавим, клане.

Институциональные группы складываются внутри государства и проводят свое влияние внутри него и посредством него. Например, бюрократия, армия. Они не способны существовать вне государства, не обладают такой самостоятельностью, как группы интересов. Чаще всего их можно встретить в авторитарных, бюрократических государствах, типа СССР, однако, как подчеркивает Хейвуд, институциональные группы играют важную роль и в демократических системах. Здесь их олицетворяют бюрократические элиты министерств, всевозможных государственных органов. Они в конечном счете и направляют политический процесс, управляя решением избранных политиков.

Ассоциативная группа — это добровольное объединение людей, которое ставит перед собой конкретную, можно даже сказать узкую, задачу, связанную с их общими интересами, устремлениями, взглядами. К ним и относятся и группы интересов, и группы давления.

Правда, признается Хейвуд, далеко не всегда можно четко отделить ассоциативные группы от других групп, даже общинного типа. Например, в развивающихся странах, где процессы социальной стратификации сильно изменили облик общества, интересы людей стали столь широко различаться, что традиционные модели поведения оказались размыты: на их место пришло стремление к самореализации, преследование чисто личных целей. Люди этого типа могут объединиться в группу, поставить перед собой задачу оказывать давление на органы власти. Тем самым мы получим «группу интересов»¹⁵⁷.

По всей видимости, для различения групп, для их описания, анализа следует обратить внимание в первую очередь на особенности политической культуры конкретного общества (степень традиционализма, характер социальных групп и пр.), а также на их особенности их струк-

---

¹⁵⁶ Там же.

¹⁵⁷ Там же. С. 337.

туры (ядро, слои и пр.). Тогда будет очевидно, какой именно объект предстает перед нами.

Большинство групп, о которых пишут российские политологи, социологи, экономисты, являются все же группами ассоциативными, хотя и не без элементов общинного типа (клановости), с глубоким внедрением их в институциональную среду (в государственный аппарат, в бюрократию). Это не кланы в том смысле слова, который в него был заложен антропологическими, этнографическими исследованиями. Это группы другого типа! Непонимание этого приводит к тому, что перед исследователями ускользает специфика объединений разных политических культур.

С. В. Луков

РУССКИЕ И НЕМЦЫ: ДИАЛОГ КУЛЬТУР В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (ОПИСАНИЕ НАУЧНОГО ПРОЕКТА)

Учебный проект в области социальной работы, начатый в 2008 г. Московским гуманитарным университетом и Высшей школой имени А. Саломон (Берлин), предусматривает совместное обучение группы немецких и российских магистрантов. При этом предусматривается не только попеременная учеба в России и Германии, но и совместное проживание обучающихся в общежитии с тем, чтобы лучше был освоен немцами русский язык, а русскими — немецкий. Но кроме прагматической цели получения очередного уровня образования, проект содержит в себе возможности межкультурной коммуникации, которые позволяют изнутри изучать проблематику диалога культур не на уровне мировых шедевров искусства, а на бытовом уровне, т. е. на уровне осмысления повседневности.

В этом ключе мы рассматриваем перспективы данного проекта как исследовательского, можно сказать, лабораторного, поскольку группа взаимодействующих магистрантов невелика по численности участников (до 12 человек, т. е. в пределах социальной малой группы, где контакты строятся как непосредственные, без системы иерархии).

Целями такого проекта как исследовательского мы бы считали, во-первых, выявление основных проблем российско-германского сотрудничества в сфере высшего гуманитарного образования в личностном и институциональном аспектах исходя из принципа диалога культур и, во-вторых, разработку на этой основе технологии подготовки международных (межкультурных) образовательных проектов.

Соответственно этим целям предстоит решить следующие исследовательские задачи:

— осмыслить концепции диалога культур как теоретико-методологическую базу данного исследования;

— охарактеризовать современный этап сотрудничества российских и германских вузов, включая как институциональные черты этого сотрудничества, так и межкультурные коммуникации участников совместных образовательных программ: студентов, преподавателей, администрации вузов;

— выявить с применением экспертного опроса особенности (сходство и различия) организационных культур немцев и русских, участвующих в совместных образовательных программах и проектах;

— провести эмпирические исследования в среде россиян и граждан Германии — участников совместных образовательных программ вузов для установления круга проблем, связанных с диалогом культур;

— выработать рекомендации для вузов России, намеревающихся осуществлять совместные образовательные проекты с вузами Германии, с изложением технологии подготовки международных образовательных проектов.

В чем, в таком случае, могло бы быть содержание проводимой исследовательской работы? По нашему мнению, логично было бы основное содержание проекта представить следующим образом:

1. Анализируется опыт образовательных проектов в гуманитарной сфере, осуществляемых вузами России и Германии, в свете проблемы культурных различий русских и немцев; диалогу культур придается значение базового принципа в технологии разработки таких проектов.

2. В исследовании анализируются различные материалы, отражающие имеющийся опыт образовательных проектов в гуманитарной сфере, осуществляемых вузами России и Германии. При этом опубликованные данные рассматриваются в аспекте культурных различий русских и немцев, что позволяет выявить совокупность проблем, осложняющих разработку, согласование, реализацию международных образовательных проектов и на личностном уровне, и на уровне организации этой работы. Данные из опубликованных источников уточняются через

экспертные опросы и непосредственное изучение одного из российско-германских образовательных проектов, где автор имеет возможность применить метод включенного наблюдения. Этим проектом и может стать проект, осуществляемый Московским гуманитарным университетом и Высшей школой имени А. Соломон, который в данном исследовании выступает как объект кейс-стади; в данном проекте проблематика диалога культур (включая и диалог организационных культур) анализируется применительно к участникам взаимодействия (студентам, преподавателям, администрации), а также к его институциональным элементам (содержание образовательной программы, способы организации учебного процесса, особенности совместного проживания студентов — русских и немцев в общежитии в Москве и на частных квартирах в Берлине и др.). С учетом обобщения результатов эмпирического исследования, включающего анализ доступных данных об опыте вузов, экспертного опроса русских и немцев — организаторов совместных образовательных программ вузов России и Германии, а также данных кейс-стади по проекту, осуществляемому МосГУ и ВШ имени А. Соломон, разрабатывается технология подготовки международных образовательных проектов в гуманитарной сфере, исходящая из значения диалога культур как базового принципа.

Для решения поставленных перед исследованием задач применяются преимущественно социологические методы: анализ документов, наблюдение (в форме включенного наблюдения), экспертный опрос, анкетный опрос, лейтмотивное интервью, фокус-группы, кейс-стади. В теоретико-методологическом плане исследование опирается на научную школу социологии молодежи Московского гуманитарного университета, теории диалога культур М. М. Бахтина и В. С. Библера, тезаурусный подход к гуманитарному знанию. В рекомендациях для вузов автор опирается на принципы и подходы социального и культурного проектирования.

В итоге теоретического и эмпирического исследования мог бы быть определен круг основных проблем создания и реализации международных образовательных проектов в гуманитарной сфере, которые важно учитывать при ведении этой работы российскими вузами. На основе эмпирических исследований могут быть прояснены общие и частные проблемы взаимодействия в таких программах вузов России и Германии, вытекающие из возможностей и границ диалога культур, будет дана характеристика образовательных проектов, которые могут быть перспективны с учетом глобализации, развития Болонского процесса и расширения обмена студентами и преподавателями. Для вузов России,

намеревающихся осуществлять совместные образовательные проекты с вузами Германии, будут разработаны рекомендации с изложением технологии подготовки международных образовательных проектов. Это наиболее значимые ожидаемые результаты проекта как практически ориентированного, прикладного исследования. Но вполне вероятно, что включенное наблюдение в этом исследовании, которое имеет черты лабораторного эксперимента, даст новые идеи и в теории межкультурной коммуникации или во всяком случае позволит по-новому взглянуть на теорию диалога культур, применяя в ее анализе положения субъектной культурологии и общую теорию тезаурусов как субъектной организации гуманитарного знания.

В. А. Гневашева

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ГУМАНИТАРНАЯ КОНСТАНТА

Под человеческим капиталом в экономической теории понимается мера воплощенной в человеке способности приносить доход. Он включает в себя как врожденные (унаследованные) способности и таланты, физическую силу и здоровье, так и приобретенные в течение жизни знания, навыки и опыт. Строго говоря, инвестиции в человеческий капитал делаются всю жизнь, с тех пор, как человек рождается, и до самой смерти. К ним относят, прежде всего, расходы на образование, поддержание здоровья, миграцию, связанную со сменой работы. Г. Беккер¹⁵⁸ доказал, что многие решения, принимаемые в семье, — например, о вступлении в брак, о том, сколько в семье должно быть детей, какое образование им дать и т. п., — принимаются, как решения об инвестициях. В этом смысле теория человеческого капитала может рассматриваться как распространение общей теории инвестиций на сферу людских ресурсов.

Решая о поступить в университет, каждый человек знает, что его будущие доходы зависят от уровня образования, и делает осознанно свой выбор, таким образом, расходы на образование являются инвестициями: человек тратит определенные средства в краткосрочном периоде для того, чтобы в перспективе получить доход. Теория человеческого капитала вовсе не отрицает полезности образования как потребительского блага. Человеку, мо-

---

¹⁵⁸ Becker G. Human Capital. N. Y.: Columbia University Press, 1964.

жет быть, просто нравится учиться, нравится студенческий образ жизни — однако очень редко люди учатся только по этой причине.

Принимая решение о продолжении учебы, необходимо учесть, что:

- образование требует времени;
- образование стоит денег, причем существуют как прямые издержки (плата за обучение, книги и т. п.), так и альтернативные (так как во время обучения человек не работает или работает с меньшей отдачей);
- выгоды от образования нельзя получить немедленно;
- образование, помимо денежных, имеет в перспективе нефинансовые выгоды (более интересная и престижная работа, общение с коллегами и т. п.), а также требует моральных затрат (так как учиться может быть тяжело или неинтересно, приходится отказывать себе в досуге);
- полученные навыки и знания обесцениваются с течением времени и с возрастом работника (это, фактически, моральный и физический износ человеческого капитала).

Вместе с тем нужно сказать и об определенных отличиях человеческого капитала от физического. Во-первых, человеческий капитал неотделим от самого человека, его нельзя купить или продать самого по себе, так что работник фактически сдает свои способности в аренду. Второе отличие состоит в том, что знания и навыки, то есть дополнительный объем человеческого капитала, могут быть приобретены и без дополнительных инвестиций, то есть без расходов на формальное обучение. Имеется в виду известный способ «learning by doing», или обучение с помощью практики и опыта коллег.

А. Смит писал, что «увеличение производительности полезного труда зависит, прежде всего, от повышения ловкости и умения рабочего, а затем от улучшения машин и инструментов, с помощью которых он работал»¹⁵⁹. Он считал, что основной капитал состоит из машин и иных орудий труда, из построек, из земли и «из приобретенных и полезных способностей всех жителей и членов общества»¹⁶⁰. Он отмечал, что «приобретение таких способностей, считая также содержание их обладателя в течение его воспитания, обучения или ученичества, всегда требует действительных издержек, которые представляют собой основной капитал, как бы реализующийся в его личности. Эти способности, являясь частью состояния определенного лица, вместе с тем становятся частью богатства общества, к которому это лицо принадлежит. Большую ловкость или умение рабочего можно рассматривать с той же точ-

---

¹⁵⁹ Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Соцэкгиз, 1956. С. 490.

¹⁶⁰ Там же. С. 208.

ки зрения, как и машины и орудия производства, которые сокращают или облегчают труд и которые хотя и требуют известных расходов, но возвращают эти расходы вместе с прибылью»¹⁶¹.

К. Маркс рассматривал производство человека — потребительное производство — как второй вид общественного производства. В этом процессе потребительного производства рабочая сила не только воспроизводится, но и совершенствуется, развивается. Происходит своего рода «накопление» производительной силы труда, созидательных способностей человека, причем в большей степени именно умственных способностей. Развитая рабочая сила способна создавать большую стоимость в течение рабочего времени, чем простая, но так как на ее производство расходуется большее количество общественного труда, то она имеет и большую стоимость воспроизводства.

К. Маркс писал: «Труд, который имеет значение более высокого, более сложного труда по сравнению со средним общественным трудом, есть проявление такой рабочей силы, образование которой требует более высоких издержек, производство которого требует большего рабочего времени и которое имеет, поэтому более высокую стоимость, чем простая рабочая сила. Если стоимость этой силы выше, то и проявляется она в более высоком труде и овеществляется, поэтому за равные промежутки времени в сравнительно более высоких стоимостях»¹⁶².

Накопление способностей к труду членов общества, развитие индивидуальных рабочих сил требует значительных затрат живого и овеществленного труда. Этот специфический вид накопления, овеществленного в человеке труда, остается еще сравнительно мало исследованным. Как пишет В. С. Гойло: «технология формирования и развития главной производительной силы общества мало изучена экономической наукой»¹⁶³.

Достаточно ясно, что физическое и интеллектуальное развитие людей, состояние их здоровья, профессиональная подготовка зависят от объема и структуры питания, рациональности одежды, от объема и структуры потребления бытовых услуг, услуг здравоохранения, просвещения, культуры, профессионального образования.

В условиях научно-технической революции образовался дефицит высококвалифицированных кадров, и в 50-е годы центр тяжести исследований сместился с процессов *использования* имеющейся рабочей силы

---

¹⁶¹ Там же. С. 235.

¹⁶² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. / 2-е изд. Т. 46, ч.1. С. 27.

¹⁶³ Гойло В. С. Современные буржуазные теории воспроизводства рабочей силы. М.: Наука, 1975. С. 134.

на процессы *создания* качественно новой рабочей силы. Структурные изменения в совокупной рабочей силе, интерес к факторам экономического роста и экономической динамике явились причинами возникновения и развития теории человеческого капитала. Истоки ее просматриваются в работах У. Петти, А. Смита, Д. С. Милля, Ж. Б. Сэя, Н. Сениора, Ф. Листа, И. Г. фон Тюнена, У. Багехота, Е. Энгеля, Г. Сиджвика, Л. Вальраса, И. Фишера и других экономистов прошлых столетий. В 50–90-х годах XX века эта теория сформировалась и развивалась в трудах Т. Шульца, Г. Беккера, Б. Вейсброда, Дж. Минцера, Л. Хансена, М. Блауга, С. Боулса, Й. Бен-Порэта, Р. Лейарда, Дж. Псахаропулоса, Ф. Уэлча, Б. Чизвика и др.

Теория человеческого потенциала активно развивается в рамках неоклассического направления западной политэкономии и используется в исследовании таких сфер, как: образование, здравоохранение, семья и другие сферы внерыночной деятельности.

Сторонники теории человеческого капитала разработали количественные методы анализа эффективности вложений в образование, медицинское обслуживание, подготовку на производстве, миграцию, рождение и уход за детьми и их денежной отдачи для общества и семьи. Главное внимание в этом анализе уделяется производимым способностям человека и дифференциации доходов, вызываемой различными уровнями инвестиций в их производство.

Оппонентами этого направления выступают консервативные психологи и экономисты, приписывающие ведущую роль в дифференциации способностей наследственному, биологическому фактору. Они считают, что объяснение всей разницы в доходах у лиц с неодинаковым уровнем подготовки, получаемым образованием приводит к завышению эффекта обучения.

Оба указанных объяснения причин дифференциации способностей к труду и, соответственно, доходов населения подверглись критике радикальных экономистов. По их мнению, образование выступает как посредник, преобразующий неравенство в социальном происхождении в неравенство доходов.

Теоретические подходы к анализу понятия человеческого капитала

Дж. Р. Маккуллох (J.R. McCullosh) определил человеческие существа как капитал: «Вместо того чтобы понимать капитал как часть продукции промышленности, несвойственной человеку, который мог бы быть сделан применимым для его поддержки и способствовать производству, кажется, не существует каких-либо обоснованных причин, по которым сам человек не мог бы им считаться, и очень много причин, по которым он может быть рассмотрен как формируемая часть национального богатства»¹⁶⁴.

Н. Сениор¹⁶⁵ (Nassau Senior) предполагал, что человеческие существа могут успешно трактоваться как капитал. В большинстве своих рассуждений на эту тему он брал в этом качестве мастерство и приобретенные способности, но не самого человека. Он утверждал, что существует очень маленькая разница между рассуждениями о ценности раба и ценности свободного человека. Принципиальная разница заключается в том, что свободный человек продает самого себя на определенный период времени и только в определенном отношении, в то время как раб продается на всю его жизнь.

Генри Д. Маклеод¹⁶⁶ рассматривал производящего человека как фиксированный капитал. С его точки зрения, если этот человек не является продуктивным, то не подвержен экономическому анализу. Это мнение резко противоречит мнению Леона Вальраса, который включал все человеческие существа в капитал. А ценность, или цена этих человеческих существ, говорил Вальрас, определяется подобно другим капитальным товарам.

Кроме того, Л. Вальрас¹⁶⁷ был лишен внутреннего нежелания, подобно некоторым экономистам, рассматривать человеческие существа как капитал. Он доказывал, что чистой теории «присуще полное абстрагирование от рассмотрения справедливости и практической целесообразности», и призывал «рассматривать человеческие существа исключительно с точки зрения меновой стоимости».

---

¹⁶⁴ McCullox J. R. The Principles of Political Economy. Alex Murrey & Son, 1870. P. 57, 67.

¹⁶⁵ Senior N. W. An Outline of the Science of Political Economy. N. Y.: Farrar & Rincart, 1939. P. 68–69, 204–226.

¹⁶⁶ Macleod H. D. The Elements of Economics. Vol. 11. N. Y.: D. Appleton & Co, 1881. P. 134, 205–206, 213.

¹⁶⁷ Walras L. Elements of Pure Economics / Translated by W. Jaffe. Homewood (Ill.): Rickard D. Irwin, 1954. P. 40, 214–216, 271.

Иоганн Г. фон Тюнен (J.G. Von Thunen) также отмечал нежелание отдельных экономистов оценивать человеческие существа в деньгах. Он говорил: «Более того, может оказаться, что свобода и достоинство людей могли бы быть успешно обеспечены, если бы они были субъектами законов о капитале»¹⁶⁸.

Фон Тюнен предполагал, что многие социальные институты могли быть отменены, если бы затраты, которые увеличивают производительность труда, рассматривались в аналитической схеме человеческого капитала. Капитализированная ценность этих расходов, кроме того, должна быть включена как часть в агрегированный запас капитала.

Человеческие существа включались Ирвином Фишером¹⁶⁹ (Irving Fisher) в определение капитала. Капитал, как он утверждал, является «полезным предназначенным материальным объектом», и, следовательно, поскольку человеческие существа обладают этой характеристикой, последовательность в рассуждениях требует их включения в понятие капитала. Существует, говорил И. Фишер, обученный индивидуум, который должен быть включен в понятие капитала.

Человеческий капитал, по С. С. Хюбнеру¹⁷⁰, может иметь такое же научное толкование, какое имеет обычный капитал. Его операционное определение может быть получено «капитализацией стоимости человеческой жизни с помощью облигаций, придав им пожизненную ренту (для данной рабочей силы) и обращаемость (как источнику кредита), рассматривая их по принципу обеспечения и используя метод амортизационных фондов для возможности реализации рассматриваемого объекта, если только человек имеет перспективу будущей деловой активности, а его семья — обязательства перекрыть существующий риск неопределенности длительности человеческой жизни».

Аналитическая схема человеческого капитала используется западными экономистами для тех же самых целей, что и обычный капитал, а именно для показа экономической выгоды миграции, инвестиций в здоровье, предотвращение преждевременных смертей, в образование и т. п.

---

¹⁶⁸ Thunen I. H. von. *Der isolierte Stadt*. Vol. 11, Part 11 / Translated by B. F. Hoselitz. Chicago: Corporative Education Center, Univ. Of Chicago; originally published 1875. P. 5.

¹⁶⁹ Fisher I. *Senses of Capital* // *Econ. J.* VII (June, 1897). P. 201–202; *Idem*. *The Nature of Capital and Income*. L.: Macmillan & Co., 1927. P. 5, 51–52, 68; *Idem*. *The Theory of Interest*. N. Y.: Augustus M. Kelley, 1965. P. 12–13.

¹⁷⁰ Huebner S. S. *The Human Value in Business Compared with the Property Value* // *Proc. Thirty-fifth Ann. Convention Nat. Assoc. Life Underwriters* (1914, July). P. 18–19.

В первой четверти двадцатого века появилось несколько работ, авторы которых использовали аналитическую схему человеческого капитала в попытках определить денежные потери из-за могущих быть предотвращенными болезней и смертей. Их мысль сводится к тому, что болезни и преждевременные смерти приводят к потерям человеческого капитала и что эффект от его накопления может быть увеличен путем предупреждения и отсрочки болезней и смертей в той степени, в какой это возможно.

Понятие и особенности развития персонала

Развитие персонала (РП) — комплекс мер, включающих профессиональное обучение выпускников школ, переподготовку и повышение квалификации кадров, а также планирование карьеры персонала организации. *Цель развития персонала* — обеспечение организации хорошо подготовленными работниками в соответствии с ее целями и стратегией развития. Под системой РП следует понимать целенаправленный комплекс информационных, образовательных, привязанных к конкретным рабочим местам элементов, которые содействуют повышению квалификации работников данной организации в соответствии с задачами ее развития, потенциалом и склонностями сотрудников. Речь идет прежде всего об информации о личном составе (профессиональной пригодности и склонности работников), об организационных единицах (требования к рабочим местам и типичные ситуации на них в процессе работы), а также о рынках труда и образования.

Необходимость постоянного повышения квалификации приводит к тому, что мероприятия по адаптации персонала к требованиям производства продолжают на всем протяжении функционирования фирмы.

В немалой степени изменяется такое направление кадровой политики, как продвижение. Горизонтальные перемещения становятся не менее важной характеристикой развития персонала, нежели вертикальные.

Вертикальное и горизонтальное продвижение в условиях динамичного производства возможно только при условии повышения квалификации как постоянно действующего регулятора. Причем, исходя из затрачиваемого времени и периодичности, надо признать, что повышение квалификации становится приоритетным направлением кадровой политики, охватывающим всевозрастающую часть персонала.

Отбор, все в большей степени базирующийся на развернутых системах оценки рабочей силы, становится постоянно действующим регулятором развития кадров.

Обучение персонала связано с развитием общего интеллекта у человека, а подготовка — с приобретением знаний, относящихся непосредственно к выполняемой работе. *Профессиональная подготовка* представляет целевое обучение, конечная цель которого — обеспечение предприятия достаточным количеством работников, чьи профессиональные качества в полной мере соответствуют производственно-коммерческим целям организации. Программы обучения должны быть составлены с учетом конкретных особенностей структуры персонала и актуальных задач развития каждой организации (или ее подразделений и филиалов).

Подготовка персонала требуется в тех случаях, когда работник приходит на предприятие; когда работника назначают на новую должность или поручают ему новую работу; когда у работника не хватает навыков для выполнения своей работы, а также когда происходят серьезные изменения в экономике организации или во внешней среде.

Подготовка квалифицированных кадров представляет собой совокупность мероприятий, которые направлены на систематическое получение и повышение квалификации, отвечающей текущим и перспективным целям фирмы и обеспечивающей соответствие требований, предъявляемых рабочим местом к способностям работника.

Первый случай в истории подготовки кадров относится еще к XVIII веку, когда фирма «Boulton and Watt» ввела специальную систему отбора и обучения своих работников (1795 г.). Но, по меньшей мере, столетие потребовалось на то, чтобы подготовка персонала стала массовой и систематической.

Подготовка кадров тесно связана с другими направлениями планирования персонала, но является относительно самостоятельной сферой кадровой политики. С экономической точки зрения подготовка квалифицированных кадров эффективна в том случае, если связанные с ней издержки ниже издержек организации на повышение производительности труда за счет этого фактора.

Повышение профессионального мастерства положительно отражается на:

- гарантии (сохранении) рабочего места;
- возможностях профессионального роста на производстве;
- доходах работника;

- чувстве собственного достоинства и возможностях самореализации.

Проблемы с точки зрения социальной эффективности могут проявиться в том случае, если повышению квалификации не будет противопоставлена никакая соответствующая этой квалификации деятельность. В результате этого не будет условий роста, а задачи будут выполняться и без применения полученных квалификаций.

При подготовке должны быть точно определены задачи, строго соответствующие целям организации в целом.

Квалификация — это динамическая способность человека включаться в процесс производства и выполнять предусмотренные технологией трудовые операции. Она характеризует, с одной стороны, потенциальную возможность работника выполнить работу определенной сложности, а с другой — уровень развития самого работника.

Так, по мнению западных специалистов, большинству работающих необходимо будет сменить специальность и квалификацию в течение трудовой жизни не менее 4–5 раз, чтобы идти в ногу с изменениями в производстве¹⁷¹, а это требует расширения образовательной и специальной подготовки для повышения профессиональной мобильности персонала.

Повышение требований к качеству подготовки персонала непосредственно связано с ростом затрат на профессиональную подготовку. Эксперты утверждают, что американские корпорации расходуют ежегодно от 1 до 5% прибыли на программы обучения и подготовки кадров (примерно столько, сколько тратит государство на высшее образование).

Система профобучения в бывшем СССР была построена, исходя из следующих предпосылок:

- общество имеет неограниченное число рабочих мест, и каждый может выбрать работу по способностям и квалификации;
- государство гарантирует каждому профессиональную подготовку и рабочее место.

Чрезмерно централизованная система профобучения в силу своей негибкости способствовала тому, что эти в общем-то хорошие принципы оказались далекими от практического осуществления.

С переходом предприятий к рыночным отношениям их регулярная помощь училищам значительно сократилась, осложнились взаимоотношения в вопросах планирования подготовки рабочих и специали-

---

¹⁷¹ Employment for the 1990-s. White Paper. L., HMSO. P. 12.

стов, организации производственной практики, трудоустройства выпускников. Положение о базовом предприятии профтехучилища по существу утратило силу. Многие хозяйственные руководители не проявляют должной заинтересованности в подготовке молодых кадров.

Целью организации профессионального обучения кадров на производстве должно стать создание системы непрерывного образования персонала на основе оптимального сочетания различных форм подготовки новых рабочих, переподготовки и обучения рабочих вторым профессиям, повышения их квалификации и уровня знаний с учетом динамичных изменений в технике, технологии, организации производства, в тесной увязке с их индивидуальным профессионально-квалификационным продвижением.

Целостная система подготовки и переподготовки, обеспечивающая воспроизводство квалифицированного персонала в соответствии с потребностями рыночной экономики, должна быть рассчитана на то, чтобы воздействовать на каждого работника в течение всей его трудовой жизни и опираться на цикличное развитие производства.

Обучение на рабочем месте осуществляется в процессе работы. Эта форма подготовки является более дешевой и оперативной, характеризуется тесной связью с повседневной работой и облегчает вхождение в учебный процесс работников, не привыкших к обучению в аудиториях.

Важнейшие методы обучения на рабочем месте:

- метод усложняющихся заданий,
- смена рабочего места (ротация),
- направленное приобретение опыта,
- производственный инструктаж,
- использование работников в качестве ассистентов,
- метод делегирования (передачи) части функций и ответственности и др.

Преимущества обучения на рабочем месте:

- оно относительно дешево;
- легко удовлетворить потребности обучаемого - инструктор может подстраиваться под ученика;
- работник получает опыт «из рук в руки».

Однако этот метод обучения имеет недостатки:

- вы или ваши коллеги могут не обладать достаточным опытом в обучении, особенно если оно предназначено для того, чтобы держать работников в курсе новых разработок или технологии;

- ваше обучающее оборудование и возможности могут не соответствовать задаче обучения;
- вы или ваши коллеги можете иметь недостаточно свободного времени, чтобы обучать персонал лично;
- работники, которых попросили обучать, могут не иметь для этого достаточного авторитета и ответственности;
- работники могут возмутиться, что их будут учить их коллеги.

Следует учитывать, что необязательно проводить обучение под вашим наблюдением или в вашем собственном офисе. Существует много различных курсов, организуемых вузами или организациями, занимающимися бизнесом в области подготовки персонала.

Обучение вне рабочего места более эффективно, но связано с дополнительными финансовыми затратами и отвлечением работника от его служебных обязанностей. При этом сознательно меняется среда, и работник отрывается от повседневной работы.

Методы профессиональной подготовки вне рабочего места предназначены прежде всего для получения теоретических знаний и для обучения решению проблем, принятию решений, согласованному поведению.

В последнее время активно используется метод рабочих групп, которые во время регулярных встреч (до 10 человек) вне рабочего места обсуждают рабочую ситуацию и возможности ее улучшения. Речь идет о японской концепции кружка качества, которая между тем обосновалась в США и Европе, а также о германской концепции «вместо учебы».

Обучение вне рабочего места имеет следующие преимущества:

- занятия проводятся опытными экспертами;
- используется современное оборудование и информация;
- работники получают заряд свежих идей.

Однако этот тип обучения имеет ограничения:

- курсы обычно дороги, особенно когда вы добавляете стоимость расходов на проезд, суммы, выплачиваемые за обед, стоимость потерянной продукции;
- чаще изучается теория, нежели практика, и ее может быть сложно применить в обычной работе;
- имеющиеся курсы могут не соответствовать вашим требованиям; ваш бизнес может пострадать, если ключевые работники будут отсутствовать на работе.

Программа обучения персонала может включать три подраздела и должна быть увязана со стратегией корпорации:

1-е направление представляет собой так называемое необходимое обучение и содержит тот минимум информации, который требуется работнику, чтобы сохранить свое конкретное рабочее место.

2-е направление - сфокусированное обучение - носит стратегический характер и рассчитано лишь на определенный контингент, с творческим потенциалом которого фирма связывает свои надежды на будущее развитие.

3-е направление образует «программу развития», по которой занимаются желающие развить свои способности, усовершенствовать мастерство.

Однако знания и навыки, получаемые при этом обучении, не являются необходимыми сегодня для выполнения их производственных обязанностей. Эти программы носят скорее резервный характер, повышая общий квалификационный и образовательный уровень кадров, а также выполняют сугубо социальную роль, создавая условия для развития и самовыражения работников.

Помимо изменения содержания и целевой ориентации учебных программ происходит изменение самой «технологии» обучения. Профессиональное обучение повышает человеческий капитал, полученный либо через формальное обучение (образование), либо через практический опыт. Поэтому следует рассматривать затраты на обучение как одну из форм инвестиций. От расширения инвестиций в человеческий капитал выигрывают как сами организации, так и обучаемые работники. Наниматели выигрывают, получая персонал высокого качества, а работники выигрывают не только от перспективы служебного продвижения и от повышения заработной платы, но и от расширения возможностей на рынке труда, которое обеспечивается образованием.

Оценка эффективности инвестиций в образование

Существует два критерия оценки эффективности инвестиций в образование:

- метод расчета *настоящей (текущей) ценности* потока будущих доходов и сравнения с ней объема инвестиций в образование;
- метод *внутренней нормы отдачи*, показывающий, при какой ставке процента текущая ценность потока будущих доходов равна инвестициям в образование.

В реальной жизни вряд ли кто-нибудь принимает решение о поступлении в высшее учебное заведение на основе расчетов об эффективности инвестиций в высшее образование. Тем не менее абитуриенты

используют те или иные оценки (свои собственные, родителей и знакомых) и принимают во внимание возможность получения дополнительных доходов после завершения образования и необходимость осуществления затрат на него.

Поэтому можно сделать четыре предположения, касающиеся спроса на высшее образование:

- вероятность поступления в высшее учебное заведение людей, ориентированных на текущее потребление, меньше, чем людей, ориентированных на получение доходов в будущем (при прочих равных условиях);

- в большинстве случаев студентами становятся люди в молодом возрасте;

- количество обучающихся в платных высших учебных заведениях уменьшается при увеличении расходов на обучение (при прочих равных условиях);

- количество обучающихся в высших учебных заведениях возрастет, если различия в заработках лиц с высшим образованием и выпускников школ увеличатся (при прочих равных условиях).

Ориентация на будущее и на настоящий момент. Психологи используют термин «ориентированные на настоящее» для людей, которые не просчитывают последствия своих поступков или решений на будущее. Эти люди или полностью игнорируют будущее, или имеют норму дисконтирования выше среднего, что приводит к занижению оценок будущих доходов (или затрат). Человек, ориентированный на настоящее, ниже оценивает выгоды, связанные с получением образования. Такие люди гораздо реже принимают решения о получении высшего образования, чем люди, ориентированные на будущее. Это утверждение трудно подтвердить или опровергнуть. Хотя логика теории человеческого капитала приводит к выводу, что люди, склонные к инвестициям в образование, занимаются также и другой деятельностью, ориентированной на будущее (например, больше заботятся о своём здоровье). Медицинские статистические данные подтверждают этот вывод.

Например, в США наблюдается сильная корреляция между образованием и состоянием здоровья. Для людей, получивших высшее образование, характерен более низкий уровень смертности, меньшее количество симптомов различных заболеваний и хорошее здоровье.

Причиной такой корреляции может быть более серьезное отношение к будущему со стороны людей с высшим образованием. Люди с низкими индивидуальными ставками дисконтирования с большей вероятностью будут стремиться к обучению в высших учебных заведениях и

в большей степени заботиться о своем здоровье (чаще выбирать здоровую диету, заниматься спортом, вести здоровый образ жизни и избегать ненужного риска). Можно считать, что люди, вкладывающие капитал в образование, также контролируют свое поведение с учетом будущего.

Влияние возраста. При одинаковых (или даже меньших) затратах на образование у молодых людей впереди более долгая трудовая жизнь, поэтому при одинаковых ежегодных дополнительных доходах от образования выше текущая ценность потока будущих доходов и, соответственно, выше эффективность инвестиций в образование, чем у людей старших возрастов.

Издержки, связанные с образованием. Инвестиции в человеческий капитал тем более вероятны, чем ниже затраты, связанные с образованием. Затратами, связанными с получением образования, являются расходы на оплату обучения и учебников, питание, одежду, жилище и транспорт. Кроме того, необходимо учитывать упущенные заработки и моральные издержки. Последние тем выше, чем старше человек, получающий образование. С возрастом увеличиваются опыт и производственные навыки и, соответственно, заработная плата, поэтому альтернативные издержки выше, чем у молодежи.

Моральные издержки связаны с возрастом и способностями. Для людей, не относящихся по возрасту к молодёжи, получение образования связано с большими моральными издержками, им труднее выделять время на обучение, отрывая его от исполнения семейных обязанностей (или отказываясь от семейной жизни). Они отвыкли от учебного процесса и многое забыли, давно закончив школу, менее комфортно чувствуют себя в студенческой аудитории.

Более способным студентам, легко и хорошо учившимся в школе, учеба в высшем учебном заведении также дается легче и приносит больше радости, чем менее способным. Кроме того, более способные тратят на учебу меньше времени и меньше денег. При повышении издержек, связанных с получением образования, чаще отказываются от поступления в колледжи люди со средними способностями и люди, для которых моральные издержки при обучении и на экзаменах оказываются сравнительно высокими.

Влияние различий в заработках у лиц с высшим и средним общим образованием на принятие решения о получении образования. Спрос на образование растет с увеличением разрыва в заработках у лиц с высшим и средним образованием. В экономической теории ожидаемые выгоды являются главным мотивом при принятии тех или иных решений. Но будущие заработки любого человека трудно предсказать с достаточной

степенью определенности, кроме того, студенты не могут быть полностью уверены в правильности выбора профессии и успешности завершения программы обучения. В первом приближении можно предположить, что средние доходы, получаемые выпускниками высших учебных заведений, влияют на решения студентов. Если различие в средних доходах выпускников вузов и средних школ невелико, то можно ожидать невысокого спроса на высшее образование. Если эти различия велики, то можно ожидать увеличения числа желающих обучаться в вузах.

***

Понятие человеческого капитала в современных условиях становления и развития социально-экономических отношений выступает в качестве гуманитарной константы, определяя вектор направления развития общества. Сущность человеческого капитала характеризует не только индивидуальный личностный рост за счет развития приобретаемых способностей, но и уровень социально значимой структуры ценностей и норм поведения, выработанных обществом как устойчивая категория, являющаяся базисом социально-экономической формации во все периоды исторического развития.

СОДЕРЖАНИЕ

- Луков Вал. А., Луков Вл. А.* Тезаурусы: субъектная организация гуманитарного знания (резюме монографии)... 3
- Луков Вл. А., Гайдин Б. Н.* Понятие «константа культуры» в философско-культурологическом дискурсе... 27
- Луков Вл. А., Захаров Н. В.* Гуманитарные константы в диалоге культур: шекспиризация, шекспиризм... 35
- Гайдин Б. Н.* Гамлет как гуманитарная константа христианского тезауруса... 40
- Канарш Г. Ю.* Справедливость как гуманитарная константа: философия справедливости в России... 53
- Ламажаа Ч. К.* Классические и неклассические трактовки понятия «клан» в социальных науках... 67
- Луков С. В.* Русские и немцы: диалог культур в сфере высшего гуманитарного образования (описание научного проекта)... 82
- Гневашева В. А.* Человеческий капитал как гуманитарная константа... 85

Научное издание

ГУМАНИТАРНЫЕ КОНСТАНТЫ

**Материалы конференции
Института гуманитарных исследований
Московского гуманитарного университета
16 февраля 2008 года**

Сборник научных трудов

*Ответственный редактор:
доктор философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки Российской Федерации
Вал. А. Луков*

Издательство Московского гуманитарного университета
Печатно-множительное бюро
Подписано в печать 16.02.2008 г. Формат 60X84 1/16
Усл. печ. л. 6,4
Тираж 100 Заказ №
Адрес: 111395, Москва, ул. Юности, 5/1